

Ирина Волк

КОЛЫШЕК У ВЕРБЫ

Д е т и з

Ирина Волк

КОЛЫШЕК

У ВЕРБЫ

Рассказы

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

P2
B67

Рисунки В. Богаткина

РЕБЯТА!

Несколько лет назад, когда многие из вас ещё и в школу не ходили, собралось в Москве, в Кремле, много юношей и девушек. Позвала их в Большой Кремлёвский дворец наша Коммунистическая партия.

А через несколько дней по призыву партии из Москвы, из Ленинграда, из Киева и других городов отправилась в казахские и алтайские степи молодежь. Вместе с комсомольцами поехали туда и мы — автор и художник этой книги.

Мы ехали по бескрайней степи, где не было ещё совхозов, где среди ковыля виднелись только пёстрые колышки, обозначающие места будущих степных городков, совхозов.

Вот почему мы и называли нашу книжку «Колышек у вербы». Это не выдуманный колышек, а самый настоящий.

Не так-то просто строить города на пустом месте, сеять хлеб, выращивать овощи, разводить свиней, коров, овец, птицу. Мы старались всё заметить, записать, зарисовать, чтобы потом передать и показать вам.

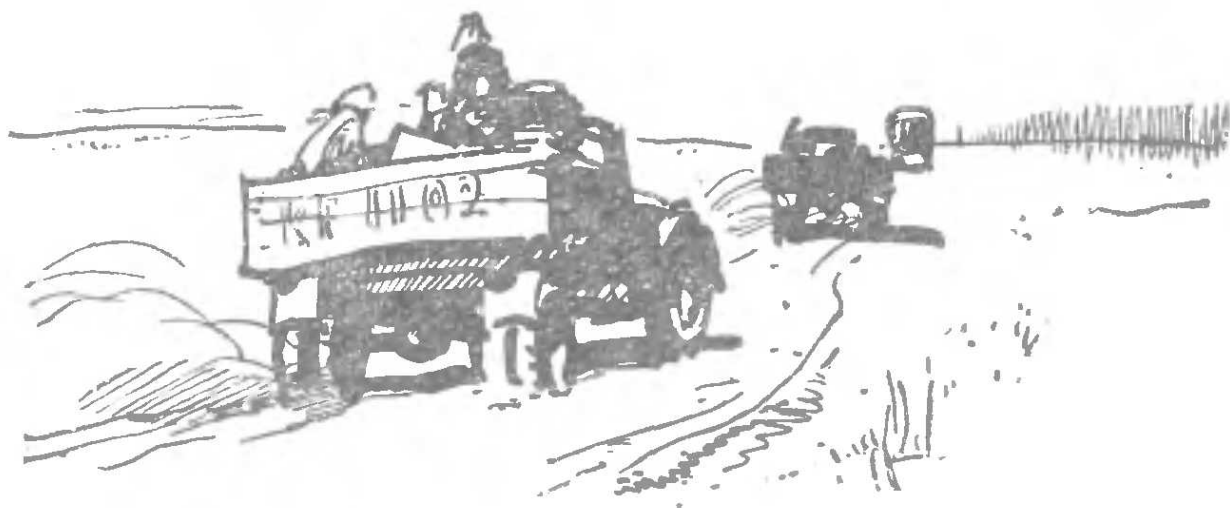
Мы были на целине и в самые первые дни, когда только-только ставили палатки, и люди ещё жили в землянках. И совсем недавно побывали там. Пролетая на самолёте над знакомыми местами, мы не узнавали их. Где раньше прятались в земле сурковые норы, теперь стояли большие дома, протянулись широкие улицы, раскинулись сады. Где рос упрямый ковыль — колосилась пшеница и куталась в зелёные одёжки кукуруза, размахивая на ветру рыжими кудрями.

Может показаться странным, что мы почти во всех рассказах пишем о первых днях освоения целины. Но нам и хотелось рассказать именно об этом, о самом трудном: с чего началось строительство совхозов, как всё это создавалось.

Нам будет приятно, если вы, ребята, прочитав эту книгу, полюбите целину и целинников — людей со смелой душой и добрым сердцем.

В КАЗАХСКИХ СТЕПЯХ

Колышек у вербы

— Мама, смотри, лес! — закричала Зина, и все, кто ехал в кузове машины, посмотрели вперёд, на деревья.

Ели и сосны тянулись к небу. Это было так неожиданно в голой Тургайской степи, поросшей пушистыми султанчиками ковыля.

Но деревья качнулись и пропали — растаяли.

— Мираж, доченька, — обнимая Зину, сказала мама, — степной мираж.

И снова впереди, сзади и по бокам — серая, печальная степь. Зине так жаль деревьев, которые показались на миг, чтобы исчезнуть навсегда. И вдруг опять возникают впереди деревья — опять мираж. Зина уже старается не глядеть на горизонт: смеётся над ней природа, обманывает.

Но эти деревья не тают в солнечных лучах, как те, первые. Всё резче делаются их очертания. И вот они уже совсем близко. Машина останавливается, и

Зина бежит к вербам, которые стоят в степи высокие, раскидистые, вцепившиеся своими корнями в мягкую землю возле небольшого озерца.

Зина оглядывается и видит, что рядом стоят люди, которые только что ехали вместе с ней в будущий совхоз. Они молча глядят на деревья. Удивительное зрелище для казахской степи. Откуда они появились здесь — эти горделивые красавцы?

— Откуда? — негромко спрашивают люди.

Зина смотрит на маму. Ведь со всеми вопросами она привыкла обращаться к ней, и мама всегда знает, как ответить. Но сейчас у мамы растерянное и задумчивое лицо. Она так же, как и Зина, делает шаг вперёд и нежно гладит жёсткую кору старой вербы.

К маме быстрыми шагами подходит директор совхоза. Совхоза, которого ещё нет, который только будет, для которого вот сейчас, сию минуту станут искать место. Рядом с директором шагает высокий старик в большой шапке.

— Друзья, — говорит директор, — я вижу, что вы так же потрясены, как и я, когда в первый раз увидел эти деревья среди снегов. Стояли трескучие морозы, мы на тракторе подъехали сюда и решили, что совхоз должен родиться непременно здесь, у этого необыкновенного озера. А вот он, — директор указывает на высокого старика в меховой шапке, — местный житель. Он будет сторожить наш совхоз и, наверное, расскажет, откуда появились здесь эти деревья.

Зина крепко сжимает мамину руку и восхищёнными глазами смотрит на старого казаха. Он знает всё об этом озере и о вербах.

Но старик качает головой, смеётся, меховая шапка дрожит на его голове.

— Я маленький человек, — говорит он, — что я могу знать об этом чуде? Много легенд ходит по степи об удивительных деревьях, а я знаю только одну.

Льётся певучий рассказ, и Зина жадно впитывает каждое слово.

...Жил-был человек хороший. Казахов жалел сильно, за них страдал. Хотел, чтобы у них хлеба было много-много, мяса много-много. Чтобы все жили хорошо. Чтобы весёлые были. Чтобы суп кипел в каждой юрте. Не хотел этого царь. Вот и прогнал хорошего человека в глухую Тургайскую степь. Сказал царь: «Там один будешь». А ведь всем известно: нет ничего страшнее, когда человек остаётся один.

Проводили жандармы человека до самого края степи и уехали докладывать царю: «Одного оставили. Совсем одного, как ты велел».

Шёл, шёл человек по степи, а в руках нёс торбочку. Никто, даже царь не знал, что там, в этой торбочке. Дошёл человек до озера, вынул из торбочки ветки. Посадил в землю. Ветки сразу стали расти, распускаться. И вон какие выросли...

Тихо было у озера. Молча слушали люди рассказ старого казаха. Потом все сразу заговорили.

А директор подошёл к маме и дал ей красную палочку с заострённым концом.

— Как главному агроному совхоза, который рождается сегодня, — торжественно сказал директор, — я поручаю вам вбить колышек у самой большой вербы, навечно определив место центральной усадьбы.

Мама, раскрасневшаяся, наклонилась и стала вбивать колышек в землю. А вокруг все хлопали в ладоши, радовались. Потом все побежали к машинам и начали разгружать их. Надо до вечера поставить палатки на Первой улице и приготовить ужин.

Зина помогла маме вынести из машины чемодан, а потом мама сказала:

— Иди погуляй, не мешай тут.

И Зина, конечно, отправилась к вербам. Она удобно уселась на доски, которые успели сложить здесь

Молча слушали люди рассказ старого казаха.

К стр. 8.

трактористы, и стала вспоминать старую легенду, рассказанную казахом.

Хорошая эта легенда, о хорошем человеке. Может, и вправду давным-давно кто-то посадил тут деревья; а может, и сама природа совершила это удивительное чудо. Живут, растут вербы, радуют человеческий глаз.

Вот и она, Зина, будет жить здесь с мамой, а на будущий год пойдёт в школу, которую тоже построят на берегу Вербного озера.

Зина закинула голову, чтобы посмотреть на верхушку самой большой вербы, и вдруг увидела, что там, наверху, уже темно. Вечер наступил сразу, точно взял кто-то и задвинул небо тяжёлой чёрной крышкой с редкими дырочками звёзд.

— Зина! — раздался голос мамы. — Ужинать!

Девочка встала и крикнула на прощание вербам, озерцу и красному весёлому колышку:

— Спокойной ночи! Завтра приду!

Н а т а ш а

Лебеди летели над степью. Степь была ещё зимняя, снежная, но уже во всём чувствовалось приближение весны. Апрельские ветры разметали сугробы, проделали в снежных пластах ноздреватые отверстия, а от апрельского солнца эти пласты поголубели, стали прозрачными.

Лебеди летели низко, вытянув длинные шеи, и издали казалось, что в небе обыкновенные журавли. Вдруг вожак лебединой стаи повернул голову и издал тревожный предостерегающий клёкот. Внизу он увидел людей, и старой опытной птице показались подозрительными их движения. Серёжа, который следил за полётом лебедей, тоже увидел, как там, впереди, человек в длинном тулупе сдёрнул с плеча ружьё и выстрелил.

Стая, повинувшись вожаку, взмыла вверх и только одна птица отстала. Серёжа с ужасом увидел, как она опускается всё ниже и ниже.

— Папа! — отчаянно закричал Серёжа. — Зачем они стреляют! Они лебедя убили! Папа!

Серёжин отец заправлял трактор горючим, чтобы двигать дальше два маленьких вагончика, в которых сидели строители будущего совхоза. Услышав Серёжин крик, отец поднял голову.

Он тоже увидел лебедя, который держался в воздухе очень странно, вздрагивая всем телом, теряя высоту.

— Ранили его, — с огорчением сказал отец. — Кому это понадобилось?

Он посмотрел вслед торопливо удаляющимся фигурам.

— Случайные люди. Злые... Помни, Серёжа, — настоящий целинник никогда не будет степного зверя или птицу обижать. А лебеди — тут редкие гости. Их особенно беречь надо.

— А куда они летели, папа? — спрашивал Серёжа. — Куда?

— Озёра тут есть, где они летом живут, туда, наверное, — вслух размышлял отец. — Ну, что ж теперь поделаешь! Садись. Дальше поедem.

Серёжа примостился рядом с отцом на тракторе. Не сразу разрешила мама, чтобы он ехал вот так, навстречу холодным целинным ветрам. Она хотела, чтобы Серёжа сидел вместе со всеми в вагончиках, где тепло.

— Что я — Наташка? — яростно защищался Серёжа. — Мне не пять лет, а десять...

— Пусть привыкает к ветрам, — вмешался отец, — целина теперь будет его родным домом.

Мама уступила неохотно. Но ведь она тоже в первый раз приехала в казахскую степь, а папа строит

тут уже второй совхоз. Значит, и спорить с ним нечего. Ещё в поезде, по дороге к папе, мама рассказывала Серёже негромко, улыбаясь чему-то:

— У нас папа молодец. В голой степи города строит. Я бы с ним раньше сюда поехала, да помнишь, бабушка болела и ты ещё совсем маленький был. А теперь и бабушка с нами едет, и ты с Наташей...

Мама рассказывала, как несколько лет назад в пустынные степи поехало много юношей и девушек, чтобы растить хлеб и строить города.

— Поехало тогда несколько сот тысяч молодых, — говорила мама. — И папа. Он только в отпуск домой приезжал. Трудно было папе — и холодно в пустынном месте и по нас скучал...

Как только Серёжа увидел папу, который их встречал, он сразу спросил:

— Папа, а пап, там совсем голая степь?

Папа засмеялся:

— Что ты, сынок!

Серёжа был огорчён. А он-то думал — дикая степь...

Отец сразу понял, о чём загрустил Серёжа, и весело успокоил его:

— Знаешь, сынок, целина такая большая, что ещё много-много осталось диких мест. Вот туда мы с тобой и поедem, увидишь, как совхоз строится...

Такое было хорошее настроение у Серёжи: с папой на тракторе едет, и дикая степь вокруг. Интересно! И вдруг лебедя на его глазах ранили...

Стая, конечно, не могла задерживаться около раненой подруги. Она летела дальше, наверное, к знакомому озеру, где в это время нет уже льда и где можно спрятаться в сухих камышах, которые стоят стеной, закрывая птиц от чужого, недоброго глаза.

Серёжа скоро потерял стаю из виду. Он так и не знал, что случилось с раненой птицей. А она с трудом

махала крыльями, выискивая местечко на земле, где можно было бы чуточку отдохнуть, успокоить боль.

Внизу мелькнуло какое-то озеро, очень похожее на то, куда вёл стаю старый вожак. Только оно было поменьше.

Вскрикнув на прощание, точно стая могла услышать её, лебёдка в последний раз взмахнула крылом и опустилась на озеро. Вода обожгла рану, потом боль стала понемногу утихать, и лебёдка, спрятав голову под крыло, забылась коротким чутким сном, таким, каким спят птицы и звери. Проснувшись она от необычного шума и испуганно подняла голову.

На берегу озера стояли люди. Много людей. Они оживлённо переговаривались между собой, глядя на красивую белую птицу, неожиданно оказавшуюся здесь, на маленьком озере, заброшенном волей природы в самое сердце пустынной Тургайской степи.

Птица хотела подняться и улететь подальше от людей, которых старые лебеди учили всегда бояться. Она попробовала взмахнуть крыльями и не смогла. Люди на берегу заметили это, и Серёжа — конечно же, это был он — закричал:

— Смотри, папа, это, наверное, тот подстреленный лебедь, он не может улететь, у него не поднимаются крылья!

— Наверно, — согласился отец. — Вот молодец, что в наш совхоз прилетел. Если бы мы не приехали сюда, лебедь мог бы умереть с голоду. Где ему сейчас найти корм?

Лебедь плавал по воде, держась в отдалении от людей и следя за ними большими испуганными глазами. А люди долго возились на берегу. Мальчик что-то сколачивал, устанавливал у самой кромки воды. Потом они ушли, и огни зажглись в окнах тракторных вагончиков. Светились двери только что поставленных брезентовых палаток. Строители нового совхоза

обживали степь. Лебёдка не понимала, что обитатели палаток и тракторных вагончиков приняли её в свою семью и будут заботиться о ней.

Она долго не подплывала к тому месту, где что-то строил мальчик. Но вдруг пошёл дождь, смешанный со снегом. Ей сразу стало холодно, и она заметалась по озеру в поисках пристанища. Проплывая совсем рядом с берегом, она вдруг почувствовала, что дождь и снег больше не настигают её. Над головой была деревянная крыша маленького домика, который сделал для лебедя Серёжа. Птица прижалась к деревянной стенке и прямо перед собой увидела корытце, в котором было что-то насыпано. Зёрна, пшеничные зёрна, которыми лебеди лакомились на сжатых полях. Озираясь, чутко внимая ночным шорохам, лебёдка взяла в клюв одно зерно, потом второе, третье...

После еды она почувствовала тепло и усталость во всём теле. Высунув голову из своего домика, она ещё раз прислушалась и неожиданно уснула.

Утром Серёжа прибежал к озеру вместе с Наташей. Лебёдка уже давно плавала посредине озера.

— Ната, смотри — лебедь съел всё зерно. Сейчас мы насыплем ещё, — говорил Серёжа, — он, конечно, ночью спал в нашем домике...

Пришли взрослые и тоже смотрели на ребят и хвалили Серёжу, который догадался сделать лебедю домик и насыпать зерна.

— Теперь ты назначаешься старшим над озером, — шутя сказал директор совхоза и потрепал Серёжу по плечу, — и станешь охранять лебедя и голубей, которые тоже будут жить здесь, в голубятнях. Плотник дядя Степан уже сбил им удобные домики.

— А как мы назовём лебедя, — спросил Серёжа, — ведь должно же быть у него какое-нибудь имя?

И тогда сестрёнка Серёжи вдруг попросила:

— Назовем её Наташей, как меня...

Все согласились. Наташа — это красивое имя не только для девочки, но и для лебедя.

Люди, проходившие по делам, обязательно останавливались у озера и нежно звали:

— Наташа! Наташа!

Вечером Наташа уже без боязни заплыла в свой домик и поела зерна. Так было и на третью ночь и на четвёртую. А на пятую к Наташе прилетели друзья. Старый вожак не мог успокоиться, что одна птица отбилась от стаи, и лебеди, которые жили далеко отсюда, на другом озере, летали и звали свою подругу. Наконец они нашли её. Ночью они тоже заплыли в маленький домик. С трудом поместились в нём и спали, запрятав голову под крыло.

Серёжа очень привязался к Наташе, ни на минуту не забывал о ней и даже как-то потихоньку от матери

встал, оделся и вышел из палатки. Луна стояла высоко; освещая совхоз, она отражалась в воде яркими светлыми бликами. Серёжа спустился к домику и не поверил своим глазам. Целых три лебедя было на их озере. Откуда же они взялись? Он помчался домой и разбудил отца. Тот сначала рассердился.

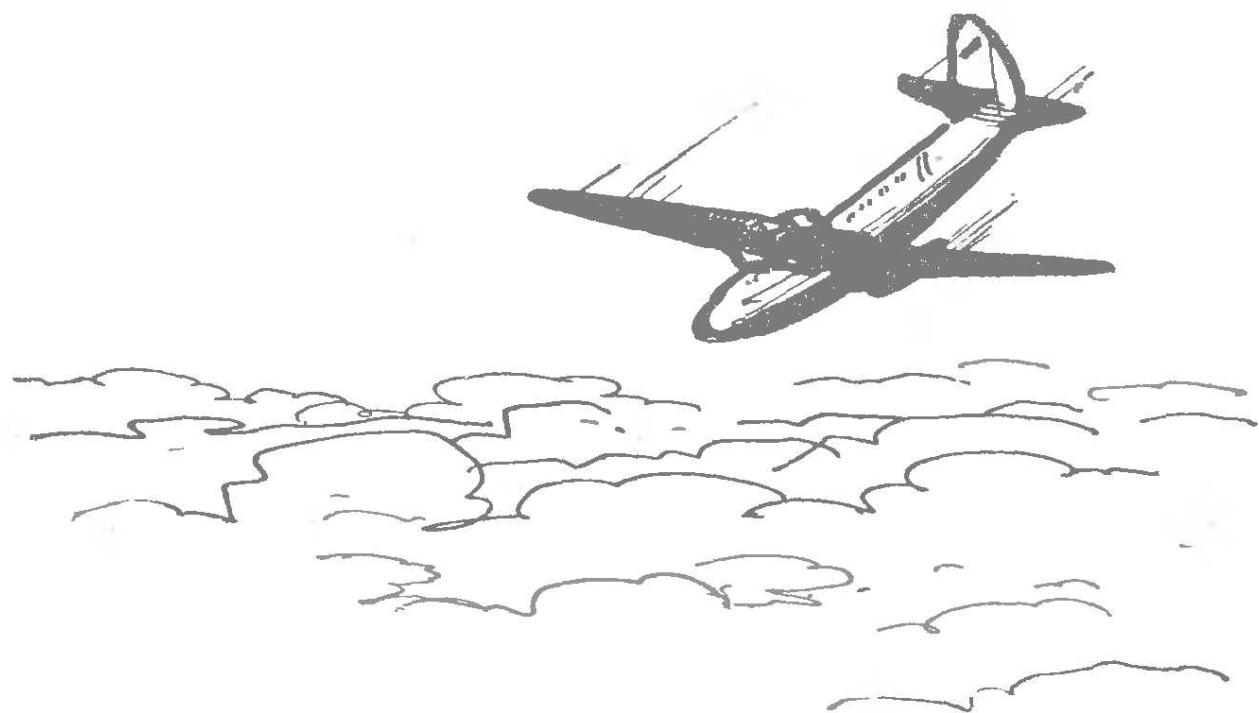
Но Серёжа так умолял выйти посмотреть на лебедей, что отец, ворча, встал, оделся. Ещё не начинало рассветать. Шум человеческих шагов вспугнул Наташиных друзей. Когда Серёжа с отцом подошли к озеру, птицы уже поднялись в воздух. В голубом сумраке отчётливо выделялись очертания больших сильных тел. На воде осталась одна Наташа.

— Это друзья к ней прилетают, — задумчиво сказал Серёжин отец, — отбилась она от стаи...

Где-то наверху раздался писк: просыпались в своих домиках голуби — первые голуби в этой степи, которых привезли сюда с собой люди и построили им жильё. Сверху голуби глядели на рождающийся в степи совхоз, на временную улицу Палаток, на первые весёлые жёлтенькие домики новосёлов, которые начали уже своё наступление на эту улицу.

И, спасённая людьми, плавала по светлой воде лебёдка с нежным человеческим именем Наташа.

Самолётные утята

Лида и Коля первый раз летели в самолёте. Это было очень интересно и немножко страшно. Ещё когда они шли по гладкому аэродромному полю, им никак не верилось, что такой огромный самолёт вдруг легко вспорхнёт и полетит. Ребята зашагали по широкой лестнице, которая называется трапом, уселись и всё никак не могли дождаться, когда самолёт, наконец, будет в воздухе.

Самолёт долго бежал по земле, и ребята стукались о спинки кресел. Правда, это было не больно, потому что спинки совсем мягкие, но всё-таки Коля торжествующе повторял сестре:

— А вот я говорил, а вот я говорил...

И, хотя он как раз про это ничего не говорил, Лида кивала в ответ. Ведь ей тоже было страшновато. А папа сидел сзади, закрывшись газетой, как будто дома на диване, и только изредка спрашивал:

— Ну как, ребята?

Потом толчки прекратились. Стало прохладнее. И папа приоткрыл занавеску окна.

— Смотрите, летим над облаками!

Коля и Лида посмотрели вниз и удивились. Под ними была белая пелена, как будто кто-то взял и набросал с земли множество снежков, а они застыли в воздухе.

Конечно, ребята всё в самолёте облазили: посмотрели, как открывается вода в маленькой комнатке в хвосте самолёта, и руки помыли и вытерли их мягкими розовыми салфетками, сунули нос в багажное отделение, где чинно, не толкаясь, стояли разноцветные чемоданы. Пока папа подрёмывал, уверенный, что ребята спокойно сидят на своих креслах, они тихонько открыли дверь в кабину пилота. Их сразу увидели:

— А, помощники пришли? Ну, глядите, глядите!

Их посадили перед какой-то большой доской, на которой было множество всяких разноцветных кнопок, дали по конфете и выпроводили обратно в салон. И вот тут-то и произошла удивительная история.

Где-то сзади раздался пронзительный писк. Девушка, которая сидела впереди Зины и Коли, внезапно вскочила и испуганно поспешила в конец салона.

— Ах, — вскрикнула она, — ах, какой ужас!

А ужаса никакого не было. Просто по ковру катились, отчаянно пища, жёлтые пушистые утята. Один, другой, третий... десятый. И вот уже много пушистых комочков заполнили самолёт. Крича что-то на своём птичьем языке, они прыгали на колени пассажиров, влезали на спинки кресел. Поднялся шум, хохот.

— Утята! — в восторге кричал Коля.

Он присел на корточки, вытащил из кармана сладкую булочку, которую ему дал папа ещё на аэродроме, и начал крошить её прямо на ковёр. Утята жадно клевали крошки, не переставая питаться. Из пилотской кабины вышел командир корабля. Ему тоже, конеч-

но, захотелось узнать, что же здесь происходит. Он увидел Колю, утят, которые ели прямо из его рук, засмеялся и покрутил головой:

— Новое дело: пассажиры разбежались!

Бортпроводница Оля, подробно объяснявшая перед началом полёта, жарко или холодно будет в самолёте и на какую высоту они поднимутся, эта Оля,

которую Коля считал такой серьёзной, сидела сейчас рядом с ним на корточках и весело хохотала.

Девушка, которая первая побежала навстречу утятам, объясняла смущённо:

— Вот видите, разломались три картонные коробки. Я не знаю, как это случилось.

— А куда вы их везёте? — интересовались пассажиры.

— В совхоз, — отвечала девушка. — В целинный совхоз. Я работаю там зоотехником. И вот мне поручили привезти утят из-под Москвы, потому что у нас нет утиных ферм. Но зато есть красивые озёра. Сегодня летит первая партия утят — пять тысяч штук. А всего мы привезём их целых сто тысяч!

— Папа, — спросил Коля, — а это много — сто тысяч?

Папа, который давно уже отбросил свою газету, потому что нельзя было читать в таком шуме, сказал задумчиво:

— Сто тысяч — это очень много. Это целая туча утят!

Не скоро уgomонились пушистые жёлтые пассажиры. По одному их водворяли в коробки. Перевязали коробки верёвками и поставили в тёмный багажник. Утята немного попищали, а потом утихли — наверное, подумали, что пришла ночь и пора спать.

А потом и Коля задремал и проснулся уже тогда, когда папа легонько потряс его за плечо:

— А ну проснись, сынок. Прилетели. Целиноград.

Самолёт уже стоял на земле, и, когда Коля выглянул в окошко, он увидел маму. Она стояла в красном плаще, подняв голову, и пыталась увидеть в окошко своих сына и дочку. Но, конечно, она их не увидела, пока они не вышли на широкий трап.

— Мама, мы с утятами ехали! — закричал Коля ещё сверху.

Мама схватила его на руки, целовала и говорила счастливым голосом:

— Это хорошо, что папа вас утками кормил.

Коля отбивался и возражал:

— Ну, что ты, мама, никто нас не кормил утками. Они живые, маленькие!

Лида рассказала маме про утят, и мама, смеясь, взяла за одну руку папу, за другую Колю. А Лида по-

шла сама, держа в руке маленький чемоданчик. Там лежал сюрприз для мамы — красивая косынка, которую она купила вместе с папой, и красные бусы — подарок от бабушки. Вдруг Коля остановился. Он ни за что не хотел идти туда, куда вели его мама и папа.

— Утята! Я хочу посмотреть, как вылезут утята.

— Мы опоздаем на автобус, — возразила мама.

Но папа сказал:

— Подождём, Люся, — автобус ещё раз придёт, а действительно интересно посмотреть, что с утятами.

Совхозный зоотехник была сейчас уже не такой растерянной и смущённой, как в самолёте. Её голос сразу окреп. Она бегала возле самолёта и распоряжалась носильщиками. Вот, наконец, стали выносить большие серые картонные ящики. Коля подбежал вплотную к ящикам и приложил к ним ухо.

Впрочем, этого делать не надо было: и так было ясно, что там кто-то сидит, кто-то очень писклявый и шумный. Ящики положили один на другой в большой грузовик, перевязали толстыми верёвками, чтобы они

не скатились на дорогу, потом зоотехник села рядом с шофёром и тут увидела Колю.

— До свиданья, мальчик, — махнула она ему рукой, — приезжай к нам на озеро, там ты увидишь много-много утят.

Машина уехала, и Коля долго смотрел ей вслед. Ему было жалко расставаться с утятами.

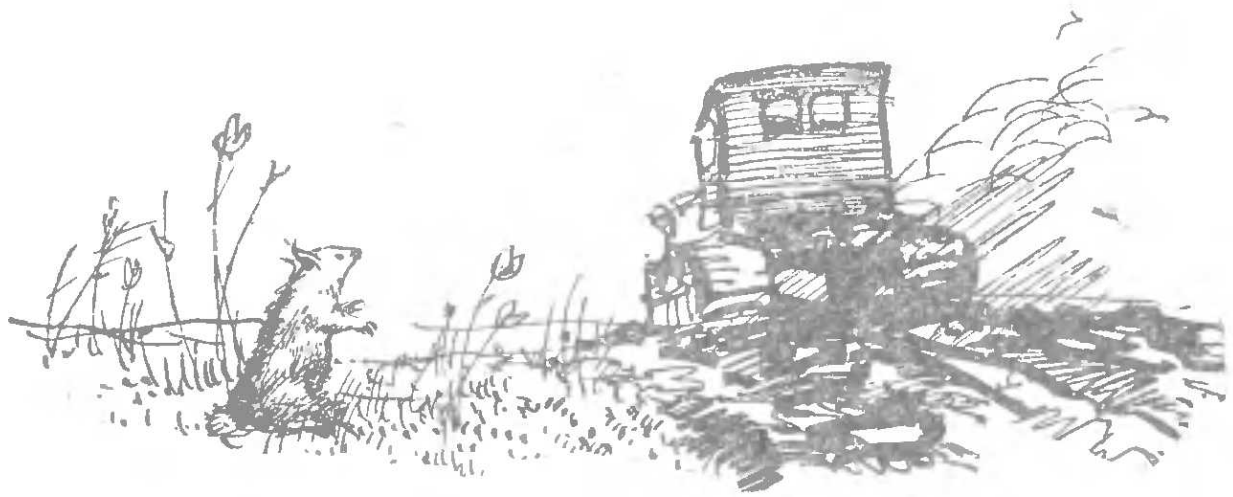
Мама сказала:

— Не горюй, завтра приедем в совхоз, и там увидишь своих новых знакомых. Будешь вместе с Лидой помогать птичнице их воспитывать.

— А это будут те утята, которые ехали в нашем самолёте? — обрадованно спросил Коля.

— Конечно, — ответила мама, — только не ехали, а летели. Других утят, здешних, тут пока нет. Только такие вот, привозные, самолётные.

Свирька

Свирька любил свой дом. В нём было уютно, пахло тёплой землёй и соломой. Когда в круглую дверь его подземного жилья пробивалось солнце, Свирька вылезал наружу и, подражая взрослым суркам, степенно становился на задние лапы, поднимая передние. Он мог стоять так неподвижно много часов подряд, как маленький живой столбик. Ветер шевелил его рыжую мягкую шёрстку, а солнце грело как раскалённая печка. Свирька блаженно жмурился и, изредка поворачивая круглую головку, видел вокруг себя такие же неподвижные рыжие столбики.

На языке сурков Свирьку звали совсем не Свирькой, а как-то по-другому. А имя ему дали уже потом люди. Это произошло после того, как Свирька попал в беду.

Как-то он решил прогуляться и ушёл далеко от своего домика. Он бежал среди ковыля, беззаботный и весёлый, останавливался, нюхал травинки, становился на задние лапки и снова бежал вперёд. Внезапно он услышал грохот. Какое-то непонятное чудови-

ще с круглыми красными ногами встало рядом с ним. Свирька коротко свистнул, заметался, ища, куда бы убежать, и тут почувствовал, что его крепко схватили и понесли. Сурчонок от страха закрыл глаза и не шевелился.

Тракторист дядя Ваня приоткрыл край своей куртки:

— А ну, лезь за пазуху, дрожишь весь, — сказал он добродушно и почесал сурчонка за ухом. Потом сел за руль трактора, и машина побежала по дороге. Тракторист направлялся в мастерскую на центральную усадьбу.

Испуганный Свирька притаился. Ему было тепло под курткой. Но маленькое сердце билось, охваченное страхом. Бедный Свирька! Ему никогда не приходилось ехать куда-то в неизвестность на громяющей машине.

Дядя Ваня сдал трактор механикам, а сам отправился домой обедать. Петя и Шура выбежали навстречу отцу. Он закрыл за собой дверь и сказал весело:

— А что я вам принёс, ребята!

Он распахнул куртку и осторожно вытащил оттуда тёплый сжавшийся комочек.

— Сурок! — восторженно закричал Петя. — Как же ты его поймал, папа?

— Он не слушался, на-

верное, своих родителей, — весело объяснил отец, — и отправился гулять без спросу. Я подъехал неожиданно и взял его врасплох.

— Мы назовём его Свирькой, — заявил Шура, — помнишь, как того ежа, который живёт у бабушки в деревне!

— Свирька так Свирька, — согласился отец, — а теперь давайте покормим его чем-нибудь, он, наверное, проголодался.

Свирьке накрошили хлеба на бумажку и положили комок рассыпчатой гречневой каши. Сначала он недоверчиво обнюхал всё и забился в уголок. Но потом, когда все сели к столу, Свирька осмелел. Каша пахла так вкусно, и он осторожно, крупинку за крупинкой, принялся подбирать её.

Постепенно Свирька освоился, привык к новому жилью. Он даже выходил гулять с Шурой и Петей во двор, вместе с ними возвращался в комнату и, смешно подпрыгивая, бежал к своим блюдечкам, наполненным едой, которые стояли в отведённом для сурчонка уголке.

Одно только тревожило Шуру. Морща веснушчатый носик, она взволнованно спрашивала отца:

— Папа, а почему он ничего не пьёт? Ничегошеньки: ни воды, ни молочка?

— Сурки к воде непривычные, — отвечал отец, — живут они в степи, где палит солнце, где воды очень мало. Если дождь пойдёт или роса появится, — полижут водяные капельки, им и хватает.

— А они не вредные, сурки? — спрашивала Шура. — Они не будут нашу пшеницу есть?

— И к зерну сурки непривычны. Едят они всякие сорняки, травку, которой в степи много. А зерно — это для них новая еда, незнакомая. С опаской они к ней относятся. Не вредный это зверёк, а даже полезный. Из сурковых шкурок хорошие воротники, шубки получаются. Время от времени устраивают охотники на взрослых сурков облаву как на пушного зверя...

За лето Свирька очень привязался к ребятам. Но, когда им надо было идти в школу, сурку пришлось расстаться с новыми друзьями. Отец сказал Шуре и Пете:

— Через несколько дней вам в школу. Поедете в интернат в новый совхоз. А мы с мамой тут остаёмся работать, и нам не до сурка. Отпустим Свирьку домой. Как раз в ту сторону машина с зерном идёт.

— А почему его нельзя выпустить тут? Ведь кругом такая же степь? — спросила Шура.

Но отец отрицательно покачал головой:

— У сурков свои законы. Они живут большими семьями. Если мы выпустим Свирьку тут, неподалёку, он погибнет. Местные сурки ни за что не примут чужака, растерзают его. Поэтому, когда я поймал Свирьку, я заметил то место и подкатил к обочине дороги большой камень, чтобы не забыть Свирькин дом.

Так и порешили отвезти Свирьку домой.

Ребята забрались на мешки с зерном, и машина тронулась. Отец примостился на борту и внимательно

но глядел на дорогу. Неожиданно машина остановилась.

— Вот он, мой камень, — сказал отец, спрыгнул с машины и подхватил Шуру. Петя соскочил сам.

— Я за вами заеду на обратном пути, — пообещал водитель, высовываясь из кабины.

Машина уехала, а они втроем остались на дороге. Впрочем, не втроем, а вчетвером. Потому что Свирька, как и весной, сидел у отца под курткой. На этот раз он не боялся. Привыкший к людям, он спокойно спал и даже смешно похрапывал во сне.

— Как удивятся сейчас его папа и мама, — сказала Шура и вздохнула, — вернулся их сын.

— Он, наверное, расскажет им много интересного про наш дом, — добавил Петя.

Папа засмеялся:

— Как жаль, что мы не знаем языка сурков и не услышим Свирьку. Он, может быть, стал таким же хвастунишкой, как Петя, и расскажет им что-нибудь лишнее.

Петя засопел и хотел уже было обидеться, но в это время отец приложил палец к губам:

— Тише, слушайте!

Ребята притихли. Над степью нёсся какой-то странный звук. Он то замирал, то опять звенел в ушах, точно кто-то играл на дудочке. Короткие перебивы, потом опять тишина, потом опять перебивы...

— Сурки свистят, — объяснил папа, — вот видите, они стоят посреди степи как часовые, смотрят вокруг и посвистывают.

Может быть, поэтому казахи никогда не обижают сурков и называют их своими младшими братьями.

Свирька вылез из-под куртки и сидел теперь у отца на плече, глядя на степь. Его маленькие круглые, как бусинки, глазки отражали солнечные лучи.

— Он понимает, что вернулся домой! — закрича-

ла Шура. — Посмотри, папа, какое у него выражение морды!

Выражение Свирькиной морды было, конечно, обычным. Но папа не хотел огорчать дочку.

— Конечно, понимает, — отозвался он весело. И, нагнувшись, посадил Свирьку на землю.

— А ну, друг, беги домой!

Несколько секунд Свирька сидел неподвижно. Ветер вздыбливал его шёрстку, и сурчонок внезапно показался удивительно толстым.

— Отъелся на нашей каше, — засмеялся отец и хлопнул в ладоши.

Свирька вздрогнул и вдруг помчался вперёд. Прошло ещё несколько минут, и вот он уже исчез, затерялся в ковыле.

Я, конечно, не знаю, что рассказал Свирька своим маме, папе, братишкам и сестрёнкам. Но, наверное, что-нибудь очень интересное о том, как он жил у людей.

Бишка

В воскресенье вечером братья Ивановы, трактористы, вернулись в совхоз с охоты. Всё население улицы Палаток сидело у пруда. Только что посмотрели новую кинокартину, и механик дядя Коля собирал коробки с лентами. Комбайнер Василий растянул аккордеон, первые танцорки, официантки Люся и Валя, встали в позу, и вдруг на освещённый танцевальный круг вступили братья-охотники.

— Внимание! — крикнул Сергей. — Новое действующее лицо сегодняшнего спектакля!

Он скинул рюкзак, развязал его, перевернул, и на землю выкатилось что-то пушистое, круглое. Раздался обиженный визг. И все сразу заговорили весело, недоумевающе:

- Гляди-ка, медвежонок!
- Сам Топтыгин пожаловал!
- Мишка!

А самый маленький зритель двухлетняя Катюша вдруг ткнула пальцем вперёд и сказала восхищённо:

- Бишка!

Так и прозвали целинники нового жителя молодого совхоза Бишка Мишкович Топтыгин.

— Нашли мы его в кустах, — рассказали охотники. — Сидел он там и плакал тоненьким голоском. Поискали мы вокруг — нет ли матери поблизости. Хотелось нам её шкуру для украшения будущего клуба раздобыть. Но сколько мы её ни ждали — не пришла. Бишку мы пожалели и взяли с собой.

Медвежонок принял на воспитание учётчик дядя Федя. Славился он как приёмный отец всяких зверюшек. Жили у него в палатке два сурка, скворец с перебитой лапой, тёмно-серый котёнок, по прозвищу Мышка, рыжий щенок с грозной кличкой Демон. Жила эта компания дружно: ели из одного большого корытца, которое смастерил дядя Федя.

— У меня не столовая, — строго объяснил он своим питомцам, — негде здесь отдельные миски устанавливать. Вот из корытца и будете все вместе есть, а из таза пить...

Я не знаю, поняли ли зверьки и скворец дяди Федины слова, но ели они действительно все вместе. Только каждому была приготовлена пища по вкусу: суркам — размоченный хлеб и каша, Мышке и Демону — кусочки колбаски или немножко мяса, скворец независимо прыгал вокруг на одной ноге и клевал то колбаску, то кашу, то хлеб. Питомцы дяди Феди так привыкли друг к другу, что даже на водопой шли гуськом. Очень забавно было смотреть, как стояли они возле тазика и пили молоко или воду. Что́

налито в тазике, можно было сразу определить, глядя на сурчат: от воды они отходили, недовольно отряхивая лапки, зато молоко и сладкий разведённый кофе пили, жадно причмокивая. Мышка осторожно макала в молоко розовый язычок. А скворец, по прозвищу Долгоносик, не торопясь брал в клюв несколько капелек любой жидкости, поднимал клюв кверху и долго глотал, тряся длинной шеей.

И вот в эту тёплую, сжившуюся компанию вдруг попал Бишка.

Верный своим принципам, дядя Федя сказал:

— Пусть тоже из корыта ест! Места хватит. Потеснятся.

Конечно, пришлось потесниться; и хотя Бишка тоже был совсем маленький, всё же он был во много раз больше остальных обитателей дяди Фединой палатки.

Когда он стал на земляной пол и, тихонько ворча, огляделся, все старые жильцы просто замерли от удивления: что же это такое? Очень косматое и незнакомое?

Первым опомнился Демон и угрожающе оскалился. Но дядя Федя тут же легонько стукнул его по влажному носу и укоряюще сказал:

— Вот ты какой! Тебе бы только одному у корытца сидеть, — и ткнул Бишкину морду прямо в тазик, куда официантка Люся только что налила принесённое из столовой тёплое, сдобренное сахаром молоко.

Бишка сначала чуть не захлебнулся — начал мотать головой, чихать, кашлять: ведь не привык он пить из миски! Но, видно, сладкое молоко ему очень понравилось. На Бишкиной морде появилось блаженное выражение.

Демон долго глядел на Бишку, потом вильнул хвостом, подвинулся к тазiku и тоже начал лакать

молоко. Тихонько подкрались сурчата, бесшумно ступая лапками, подошла Мышка, и через головы всех стал доставать молоко скворец Долгоносик.

Бишка был принят в новую семью.

Бишка очень быстро рос, и к осени ему уже стало скучно в палатке. Сильным ударом лапы он открывал брезентовую дверь и гулял по улице. Иногда он передвигался на четвереньках, раскачиваясь всем туловищем, иногда становился на задние лапы и шагал по дощатому тротуару, сложив две передние лапы на груди. Он был подхалим и сластёна, весёлый медвежонок Бишка. Он подходил к целинникам и вдруг начинал хлопать лапой об лапу, выпрашивая кусочек сахара или хлебца. И, конечно, никто не мог устоять перед такой просьбой. Ему кричали:

— Бишка, открой рот!

Он послушно разевал огромную клыкастую пасть и ловил на ходу кусочки сахара или печенья. Если ему кидали конфету, он сначала придерживал её зубами, потом садился на землю и аккуратно развёртывал бумажку, откидывал её в сторону. Все вокруг хохотали:

— Ну и хитрюга наш Бишка!

Скоро Бишка так вырос, что, когда поднимался на задние лапы, ростом становился с дядю Федю. Приезжие опасливо обходили медведя. Ведь они не помнили, каким маленьким и беззащитным прибыл в совхоз Бишка, и боялись его сейчас: мало ли что, всё-таки медведь! Да и сам Бишка не очень благоволил к чужакам: даже конфет он у них не просил.

Поздней осенью, когда в новом складе уже лежало приготовленное для посева весной тяжёлое пшеничное зерно, Бишка вдруг стал штатным работником совхоза. Директор, ласково трепля мохнатую Бишкину голову, сказал задумчиво:

— А что, если будку ему поставить у склада?

пусть сторожем у нас будет. Он чужого не подпустит к двери. Будет помогать тебе, Фёдор Иванович. Кладовщику скажи, чтобы он его на довольствие принял.

Дядя Федя кивнул головой. Конечно, ему нужен помощник. Длинными осенними ночами объезжает он границы совхоза: то находится в одном конце, то в другом. И Бишке делать нечего в палатке. Разве что лежать на земляном полу да блаженно щуриться в то время, как Долгоносик теребит его густую шерсть. Когда Долгоносик нечаянно ущипнёт Бишку, тот ворчит, скалит зубы, и Долгоносик, шумно хлопая крыльями, отскакивает, словно бы в испуге, и снова подкрадывается к медведю.

Лежебока Бишка не был слишком заботливым сторожем. Как только уезжал на своём рыжем коне дядя Федя, Бишка залезал в свой домик и, уткнув клеёнчатый нос в солому, сладко дремал. Но он всегда слышал топот коня и лай Демона, сопровождавшего дядю Федю, и тогда, переваливаясь, вылезал из домика и сидел на пороге, гремя цепью, на которую его привязывали с вечера: я, мол, не сплю.

Однажды Бишка проснулся, почуяв чей-то незнакомый запах. Он высунул нос из будки, и его маленькие глазки словно засверлили темноту. Он увидел, как кто-то тихо подбирается к дверям склада. Бишка потянул воздух носом: незнакомый запах. Но ему не хотелось вылезать из домика, не хотелось очутиться под холодным дождём и суровым осенним ветром. Вдруг он услышал приглушённый лай Демона и стук копыт. Бишка заворочался: сейчас подъедет хозяин и даст ему, как всегда, кусок сахара, а Демон залезет в домик, и начнётся весёлая игра, состоящая из взаимных покусываний и дружелюбных пинков. Лошадь остановилась, но хозяин не подошёл, как обычно, к домику и не окликнул ласково: «Бишка! Лежебока!»

Что-то странное творилось у двери склада. Началась какая-то возня, и Бишка увидел, как с визгом отлетел в сторону Демон.

И тогда, взревев от ярости, Бишка вылетел из своего домика, сорвав цепь. Огромный, свирепый, встал он перед теми, кто обидел его друга. Тяжёлой лапой он ударил кого-то, кто-то покатился по земле, издавая отчаянные вопли. Не обращая на это внимания, Бишка подошёл к хозяину. Тот лежал неподвижно, и Бишка тихонько, ласково урча, начал облизывать его широким тёплым языком.

В это время ехал на своей быстроходной машине директор совхоза, возвращаясь из города. Он вышел на минутку из автомобиля, чтобы поглядеть, как вспахано поле под озимые. И вдруг до него донёсся медвежий рёв, лай собаки, какой-то неясный шум.

— К складу! — торопливо вскакивая в машину, сказал директор шофёру.

Через несколько минут они были уже там. Директор и шофёр вышли из машины и в недоумении остановились: на земле лежали двое в странных позах. На одном сидел Демон. Возле второго бродил Бишка, злобно рыча. А у двери склада возился дядя Федя.

— Ударили меня. Упал без сознания, — смущённо сказал дядя Федя директору. — Ограбили бы склад, если бы не они. — И он кивнул в сторону своих четвероногих друзей.

Тюльпаны

Клава и Катя — две сестрёнки. Когда они увидели цветущую казахскую степь, то не могли поверить, что эти яркие пёстрые цветы выросли сами, что их никто не посеял.

— Папа, — спрашивали наперебой девочки, — почему же их так много?

— Природа, дочки, — отвечал отец. — Великая она чудесница! Невесёлые степи, суровые, так вот и задумала природа по весне разукрасить их. Недолго радуют нас цветы. Всего месяц стоят они такие свежие и яркие. А потом, когда начнёт солнце палить, свернутся лепестки и вянут.

Но нельзя же целый день собирать цветы. Куда их девать? Скучно Клаве и Кате. Всё одни и одни. Правда, бабушка хлопочет по хозяйству, заставляет

их суп есть. Но с бабушкой не очень интересно. От неё только и слышишь:

«Не бегайте, не пейте холодной воды, не кричите так...»

Иногда бабушка вздыхает:

«Ну, когда, наконец, детский сад построят? Надо-ели вы мне. Идите хоть пока в ясли, там во дворе с детьми поиграйте».

А в яслях что? Малыши! Им по три года, а Клаве с Катей — они близнецы — уже по шесть лет. Не о чем им с ясельниками разговаривать.

Вот и ходят две сестрёнки по молодому совхозному посёлку без дела. Папа целый день в поле на тракторе, мама — на ферме. Ну не с кем погово-рить!

И вдруг сестрёнок пожалела тётя Нюра. Она повар в столовой. Клава и Катя решили уже, что, когда они вырастут, тоже, конечно, будут поварами. Вон у тёти Нюры какой халат, белый-белый, и колпачок аккуратненький на голове. А самое главное — она постоянно орудует необыкновенной поварёшкой, такой большой, как кастрюля, в которой бабушка суп варит. Клава и Катя подбираются к окну кухни и долго с восхищением смотрят, как ходит у

плиты тётя Нюра и покрикивает на своих молодых помощниц:

«Быстрее, быстрее, девушки, скоро смена придёт!»

Смена — это папа, мама и другие рабочие. Мама сколько раз говорила бабушке:

«Не возитесь вы у плиты: возьмите обед в столовой: и вкусно и недорого».

Но бабушка готовит для себя и для внучек. Это, наверное, потому, что ей тоже скучно. Смотреть в кухонное окно ей неудобно: ведь она большая. А больше нечего ей делать, всё давно уже вычищено, выскоблено, прибрано.

Сегодня тётя Нюра увидела сестрёнок и вышла к ним во двор.

— Ох вы, мои близнятки, — сказала она весело. — Вы должны быть одинаковыми, а вы совсем друг на друга не похожи. Клавка вон какая чернушка, а Катя беляночка. Только вот веснушки у обеих.

Клава и Катя заулыбались, а потом вдруг притихли. Вот сейчас уйдёт тётя Нюра обратно в кухню...

Тётя Нюра заметила, что лица у сестрёнок стали грустными. Она приподняла своей белой чистой рукой Катин подбородок и спросила:

— Ну, что такое случилось?

Тогда Клава ответила за сестру:

— И бабушка ворчит, и детский садик ещё не открыли. Скучно нам, тётя Нюра.

— На целине — и скучно? — удивилась тётя Нюра. — Это значит, все работают, а вам одним дела нет? Ну, подождите, что-нибудь придумаем. — Она поправила свой белый колпачок, из-под которого выбивалась большая толстая коса — предмет тайной Клавиной зависти, — и задумалась.

Вдруг она взглянула вперёд на степь — яркую, как ковёр, и закричала:

— Придумала! Будете моими помощницами!

Клава и Катя молча смотрели на неё. Помощницами? Да как же они смогут?

И тут Катя сказала торопливо, как она иногда отвечала бабушке, когда та бранила её за что-нибудь:

— Я не могу, я маленькая.

— Ах ты, хитрюшка, — засмеялась тётя Нюра, — а я как раз нашла работу для маленькой. Идёмте!

Она схватила сестрёнок за руки и вместе с ними поднялась по узкой лесенке в вагончик, где размещалась совхозная столовая. Тут стояли столы на высоких блестящих ножках без всяких клеёнок и скатертей: они были покрыты пластмассой разного цвета — красной, жёлтой, зелёной. Как вкусно, наверное, есть за такими столами! А если прольёшь что-нибудь, тут же можно вытереть тряпочкой, и опять будет чисто.

Тётя Нюра показала девочкам на маленькие приборы, которые стояли на каждом столе.

— Видите, тут горчица, тут соль, тут перец. А в середине пустой бокальчик. Вот вы и будете каждый день собирать цветы и ставить в эти бокальчики. Хорошую я вам нашла работу?

Клава и Катя тут же побежали в степь. Надо было очень торопиться: ведь скоро обед. Сёстры почти не разговаривали: как бы не опоздать.

Наконец они прибежали к знакомому кухонному окну с большими охапками тюльпанов.

— Молодцы! — сказала тётя Нюра. — А теперь идите сами в столовую, налейте воды в бокалы и расставьте цветы по своему вкусу.

Вот этого уж девочки никак не ожидали: подумать только, им доверяют хозяйничать в этом красивом вагончике, возле этих красивых столиков. Принесли чайник воды. Катя наполняла бокалы, Клава вытирала тряпочкой маленькие лужицы, которые оставались на столах. Потом девочки стали делать букеты из тюльпанов, стараясь, чтобы в каждый попали обязательно и красный, и голубой, и жёлтый цветки.

Раздатчица Лена выглянула в окошко и сказала: — Ух, какую красоту развели!

Цветов осталось ещё много. И Лена дала девочкам банку. Они обвязали её белой бумагой, чтобы все подумали, что это не банка, а ваза, и поставили самодельную вазу на шкафчик, который стоял в углу вагончика.

Не успели девочки уйти из столовой, как она стала заполняться людьми. Пришла мама и, конечно, сразу же увидела запачканные передники и мокрые руки своих девочек.

— Ну, что это? — сказала она с неудовольствием. — Где это вы так выпачкались?

Тут вмешалась тётя Нюра.

— Руки вымоем, а передники сменим, — сказала она весело. — Зато вы теперь каждый день с цветами будете. Это твои дочки букеты на столах расставили.

Тогда мама засмеялась и обняла своих перепачканных дочек. А трактористы и прицепщики, которые рассаживались за столами, закричали:

— Ну, цветочницы, с нас конфеты получите вечером.

Вот так и нашли сестрёнки занятие. Каждый день ходили они в степь и рвали тюльпаны. И так как в столовой их уже некуда было ставить, тётя Нюра шепнула им, где они ещё нужны. Появились тюльпаны в баночках и кружках в общежитиях молодых трактористов и в палатках.

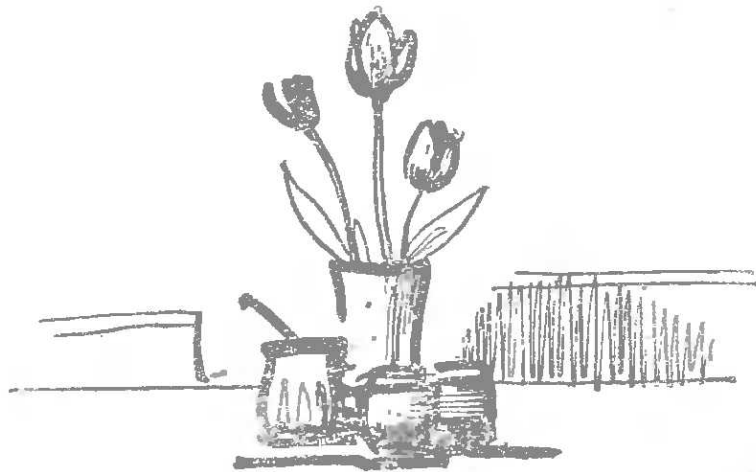
А потом, когда тюльпаны отцвели, девочки собирали пушистую усатую траву и разные красивые листья.

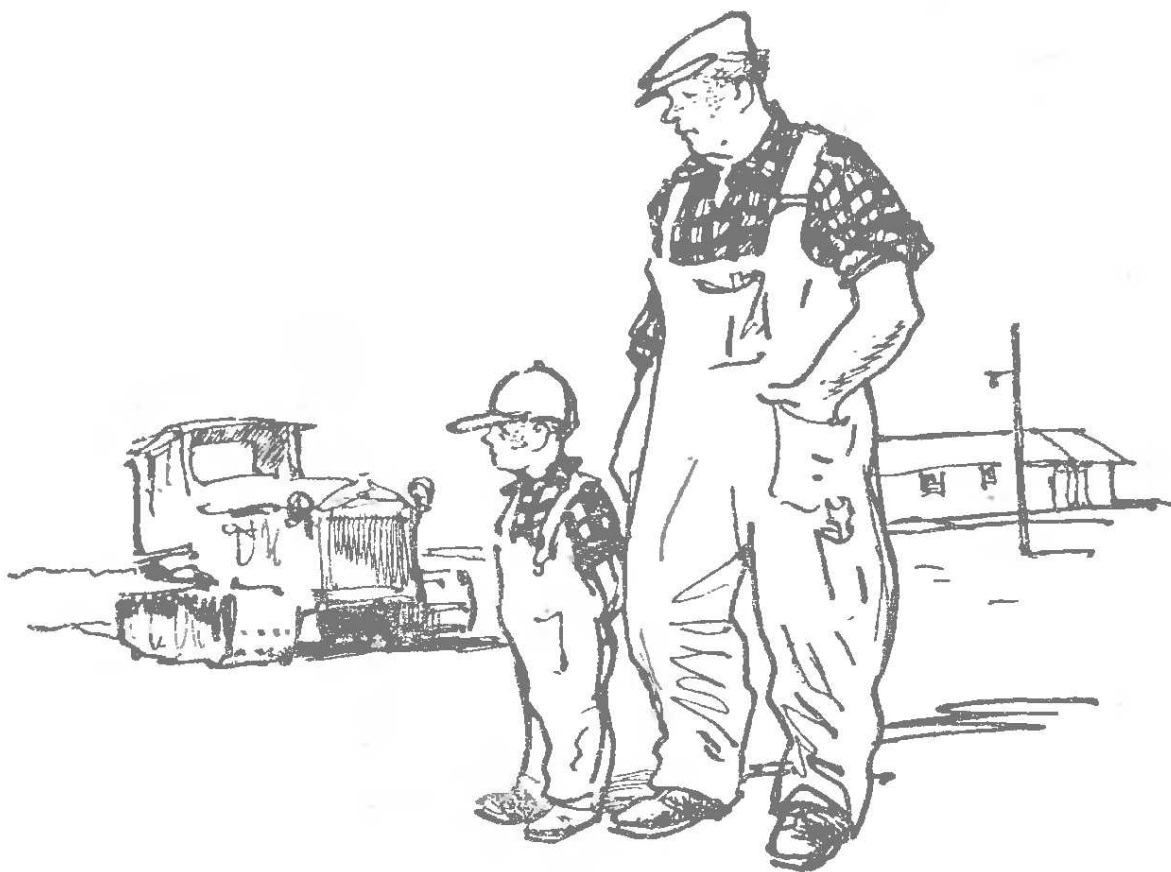
И удивительное дело — бабушка не ворчала, что ей приходится почти каждый вечер стирать переднички. Она тоже поняла, что у внучек есть важное дело.

К осени открылся детский сад, и заведующая сказала при всех:

— Вот, ребята, Клава и Катя научат вас, как надо украшать комнаты. Они умеют делать красивые букеты.

Сёстры стояли смущённые и молчали.

Андрей Большой и Андрей Маленький

В совхозе два Андрея: Андрей Большой и Андрей Маленький. Оба они ходят в синих комбинезонах, и у каждого в кармане клещи. Только у Андрея Большого — большие, а у Андрея Маленького — маленькие. Куда бы ни шёл Андрей Большой, всюду как тень идёт следом Андрей Маленький. И все невольно улыбаются, когда видят их вместе: очень уж похожи оба Андрея — отец и сын.

Мама сердится на Андрея Большого:

— Ну что ты всюду с собой мальчишку таскаешь? Приходите оба в мазуте. Еле-еле Андрюшкины руки отмываю. Сам подумай, ведь ему только шесть лет.

И оба Андрея умываются, и оба сопят возле умы-

вальника. Не понимает мать, что очень уж они дружат. Скучно им друг без друга.

— Пусть привыкает, — отзывается наконец Андрей Большой, — я из него такого механика сделаю! Мама сердится недолго.

— Садитесь обедать, механики, — смеётся она, — небось как волки голодные: и большой и маленький.

И вот получилось так, что Андрея Маленького вдруг тоже стали называть Большим.

Опустела как-то механическая мастерская — все ушли на собрание. Андрей Большой сказал Маленькому:

— Ты тут покарауль, сынок. Слесари должны прийти. Не могу я мастерскую закрыть.

А Андрей Маленький рад стараться. Можно все станки осмотреть, все шайбочки в руках подержать. Вот счастье привалило: хозяин целой мастерской! И никто тебя не остановит, никто тебе замечания не сделает. Пыхтя от удовольствия, Андрей Маленький лазил по всем верстакам, копался в рабочих тумбочках. Какими сокровищами наполнялся кармашек его комбинезона: гвоздики, гаечки, винтики!

Андрей Маленький так увлёкся, что даже не почувствовал запаха дыма. И только тогда, когда стало резать глаза и першить в горле, вдруг закашлялся, поднял голову и закричал от страха: внутри мастерской всё стало серым, как будто из степи пришёл плотный туман. Андрей Маленький, кашляя, то и дело закрывая глаза, побежал в дальний угол, откуда валил дым. Там лежали груды стружек и ящик с опилками. Вот они-то и горели. Мальчик с ужасом заметил, что по полу мастерской растекаются маленькие ручейки огня: горели капельки керосина и мазута, пролитого во время работы на земляной пол. Огненные змейки бежали прямо к большой бочке возле окна. Сейчас они добегут до бочки, подлезут под неё,

и тогда вспыхнет в бочке керосин — сгорит вся мастерская.

Крича и плача, Андрей Маленький выскочил за дверь:

— Папа! Папа! Пожар!

Но никого не было поблизости, а новый клуб, в котором шло собрание, далеко. Не добежать ему, ни за что не добежать!

Андрей Маленький вернулся в мастерскую. Он знал: в углу возле самой бочки стоят лопаты. Он вспомнил, как однажды в степи загорелся ковыль и огонь рвался к свинарнику. Папа вместе с другими работниками совхоза рыли тогда канавы, и пламя, добежав до этих канав, падало, гасло. Значит, и сейчас нужно остановить огненные язычки. Мальчик схватил лопату и начал яростно ковырять землю. Земля была твёрдая, неподатливая. Тяжёлая лопата вырывалась из рук. Заболели ладони, и уже нечем было ды-

шать в мастерской. Но Андрей Маленький, кашляя и плача, то и дело роняя лопату, всё копал и копал. Наконец мальчик почувствовал, что огонь сильнее, что он никак не может остановить его, что ещё немного и пламя всё-таки подберётся к бочке.

— Папа! — в последний раз крикнул, задыхаясь, Андрей Маленький, уронил лопату и сам упал на неё.

И в эту минуту в мастерскую вбежали люди, заметившие дым. Впереди был Андрей Большой. Он сразу увидел неподвижное тело сына и узкую канавку, которая появилась вдруг посреди мастерской. Через несколько минут рабочие погасили пожар.

А Андрей Маленький уже сидел на траве в саду, окружавшем мастерскую, удобно прислонившись к широкой груди отца. Перед ним на коленях стояла мама. Она осторожно меняла примочки на ладонях сына, стёртых, окровавленных.

Из мастерской выходили рабочие и спрашивали тревожно:

— Ну, как наш Андрей Андреевич, спаситель мастерской?

Вот с тех пор в совхозе и говорят:

«У нас два Андрея Больших!»

ΗΑ ΑΛΤΑΕ

„Кораблекрушение“

Больше всего Володя любил книги про кораблекрушения. Заберётся куда-нибудь в кусты или на чердак и читает, глотает страницу за страницей. А потом закрывает глаза и сам переносится на корабль. Вместе с матросами взбирается на мачты, крепит рей.

Володя мечтал поскорее стать взрослым, поступить на корабль матросом, уехать в далёкое плавание и пережить всё то неповторимое, что переживают герои его любимых книг.

И вдруг Володя попал в кораблекрушение, и ещё вместе с мамой, папой и двумя сестрёнками. Произошло это кораблекрушение не на море, а... на земле, которую называют целина.

Сначала Володя был разочарован. Целина — это, оказывается, просто степь и речка.

Папа объяснял:

— Богатая здесь, сынок, природа. Кругом клады, которые человек должен взять. Гляди, сколько похожего на вербу тальника по берегам. Золотое растение! Оно и на дрова идёт, и на постройки годится, и заборы можно из него плести. А камень на берегах какой красивый — алый, как флаг!

Володя глядел на груды красного камня — они точно развалины каких-то древних замков.

Володя посмотрел вокруг себя, перевёл глаза на степь и спросил тихонько:

— А где же совхоз, папа?

Папа не успел ответить: к ним подошла высокая женщина.

Она, наверное, слышала Володи́н вопрос, потому что сразу показала ему колышек.

— Я только что выкопала из земли этот колышек, сынок, — сказала она Володе. — На том месте, где был этот колышек, вырастет наш совхоз. В нём будут большие и красивые дома, и парки, и скверы. А пока вот твой дом.

Она показала на маленький красный вагончик, который был прицеплен к трактору.

— Садитесь в него и двигайтесь туда, где мы начнём строить город в степи.

Володя с удовольствием залез в вагончик: ведь он ещё никогда не катался на тракторе. Он подал руку маме, сестрёнкам. Они по маленьким ступенькам поднялись следом за ним. Папа сел за штурвал, и вагончик быстро побежал вперёд. Володя и не знал, что тракторы такие проворные.

Впереди было замёрзшее озеро. Вдруг вагончик, покачнувшись, остановился. Папа соскочил с трактора, встал на лёд.

«Проверяет, крепкий ли лёд», — догадался Володя.

Потом папа снова поднялся на трактор и смело повёл вагончик через озеро.

И вот тут-то и произошло «кораблекрушение»: лёд на середине озера оказался слабым и трактор провалился. Папа очень огорчился и всё лазил по воде, проверяя, не случилось ли что с трактором. Но с ним ничего не случилось: провалился — и всё. В вагончи-

ке вода дошла до самого пола, но внутри было сухо. Мама подождала-подождала, пока вагончик вытаскивают, потом махнула рукой и сказала:

— Чего нам ждать? Давайте-ка кашу есть.

Она разожгла примус и сварила вкусную кашу. Так что потерпевшим «кораблекрушение» не пришлось носиться по морю без пищи и питья, как это случалось с храбрыми матросами.

Мама открыла дверь и позвала:

— Иди, Валерий, кашу есть. Замёрз небось.

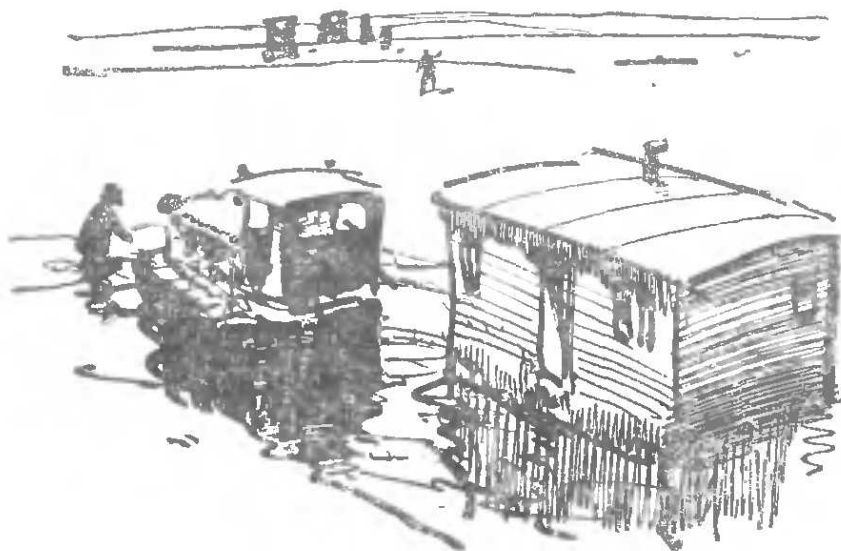
Но папа только рукой махнул. Ему-то было не до каши.

Подъехала на газике женщина, которая показывала Володе колышек. Она оказалась директором совхоза. Увидев мирную картину — из трубы железной печурки шёл дым, а на окошках колыхались ситцевые занавески, — директор одобрительно сказала:

— Я вижу, вам всё нипочём! — и тоже с удовольствием поела маминой каши.

А ещё через час пришёл другой трактор и вытаскивал на сушу потерпевших «кораблекрушение».

Володя очень гордился, что с ним приключилась такая история и что у него такая мама, которая могла бы быть не хуже любого лихого матроса на настоящем корабле. Про «кораблекрушение» Володя рассказывал всем ребятам, которые приехали в совхоз позже.

Рыжая Королева

Первым с Рыжей Королевой познакомился Юрик. Бродил он со своим четвероногим дружкой Дёмкой по совхозу да и забрёл в маленький сад. Стояла в саду хатка, совсем такая, как на картинках: беленькая, с железной крышей и голубыми ставнями. А на завалинке, тоже совсем как на картинке, — старичок с длинной-длинной белой бородой.

Юрик даже остановился, увидев такого волшебного деда. А Дёмка сел на задние лапы, приготовился залаять, да, видимо, не посмел — тоже удивился.

А старичок засмеялся и сказал приветливо:

— И откуда вы такие взялись? Никогда вас тут не видал.

— А мы к папе приехали, — объяснил Юрка.

— И он? — усмехнулся дед и потрепал Дёмку по рыжей голове.

— А он со мной, — объяснил Юрик, — мы его щенком взяли. Он не простой. Он мины ищет. Он — сапёр.

— Сколько же он нашёл мин-то? — спросил дед,

разглядывая белую пышную грудь Дёмки. — И хвост у твоего сапёра, как у черно-бурой лисицы, — с белой кисточкой на конце.

Юрик смутился.

— Пока ни одной не нашёл, — сознался мальчик, — он их сможет искать, только когда особую собачью школу пройдёт. Все шотландские овчарки, такие, как Дёмка, во время войны помогали сапёрам мины искать.

— Ну, пойдёмте, сапёры, — засмеялся дед. — Я вас чем-то вкусным угощу.

В хатке было всё как игрушечное: и столик с берёзовыми ножками, и чучело птицы в гнезде из мха, и на электрической плитке стоял котелок, из которого валил пар. Дед вылил воду из котелка в голубой тазик, а потом поставил котелок на стол и вытащил из него кукурузные початки. Юрик видел их раньше, но никогда не пробовал. Теперь они лежали перед ним с жёлтыми ровными зубками и аппетитно пахли. Дед достал с полки блюдечко со сливочным маслом и деревянную солонку. Он посыпал початки солью, помазал маслом и протянул один Юрику:

— А ну, попробуй.

Початки были мягкие и сочные. Юра с удовольствием съел один, потом принялся было за второй, но тут нетерпеливо залаял Дёмка. Дед засмеялся:

— И тебе захотелось? Сейчас остынет, дадим. Попробуй и ты новое кушанье.

Дёмке дали кусок початка, помазанный маслом, только, конечно, без соли. Он улёгся на пол, взял в толстые лапы кукурузу и съел её всю без остатка вместе с кочерыжкой.

Юрик спросил:

— Откуда она у вас, дедушка?

— Пойдём, покажу, — сказал дед и повёл Юрика и Дёмку за хату.

Там был огород и росла кукуруза, ростом выше деда. Она была укутана в листья, а сбоку свисал рыжий чуб.

— Вот она, моя Рыжая Королева, — горделиво сказал дед.

Юрик с удивлением смотрел на початки. Сын агронома, он часто слышал, что в суровой Кулундинской степи не успевает поспевать на зерно кукуруза. Родится она здесь большая, высокая, но её скашивают, когда зубки ещё совсем белые, а потом режут машинами и опускают в глубокие ямы. Через некоторое время этот кукурузный силос дозревает, и когда зимой скотники открывают ямы, оттуда пахнет свежими яблоками. Ещё дома, в Воронеже, Юрик ездил к силосной яме вместе со старшим братом, восьмиклассником. Тогда силос грузили на машины и возили на ферму. Все ребята пробовали силос, и он им нравился. А тут вдруг кукуруза совсем спелая, с жёлтыми зубками. Как же так?

— Можно, я папе расскажу про Рыжую Королеву? — спросил Юрик.

— Ну что же, расскажи, — согласился старик.

Юрик попрощался и помчался прямо к отцу, в контору совхоза.

Он стремительно распахнул дверь и закричал прямо с порога:

— Папа, идём скорей к Рыжей Королеве!

— Что такое? — сдвигая брови, недовольно спросил папа.

И только сейчас Юрик, смутившись, увидел, что комната полна людей и что все смотрят на него и смеются.

— Ну что это, в самом деле? — говорил папа. — Ворвался на совещание, да ещё пса с собой приволок. Зачем я тебе так понадобился, не мог до вечера подождать?

— Не мог! — чуть не плача, закричал Юрик. — Мы же Рыжую Королеву нашли, спелую. Мы с Дёмкой её ели.

— Что такое? — приподнялся папа. — Кого это вы ели?

И тогда Юрик, сбиваясь, проглатывая слова, рассказал про сказочный домик, и про волшебного деда, и про Рыжую Королеву, которая варилась в котелке, показывая свои жёлтые зубки.

Наступило молчание. Папа сел и потёр лоб рукой. Потом он спросил, обращаясь к собравшимся:

— Слыхали, товарищи! Спелая кукуруза в Кулунде? Или мой сын фантазирует, как с ним бывает, или...

Совещание было прервано. Все вышли из конторы. Юрик шагал вторым. Первым бежал Дёмка, изредка оглядываясь и помахивая пушистым хвостом.

Деда они нашли на том же месте. Только теперь рядом с ним сидела старушка в ярком сарафане. Старушка поклонилась гостям, и папа, приподняв фуражку, попросил:

— Услышали мы, что вы здесь чудеса творите. Покажите нам вашу кукурузу.

Дед повёл всех в огород, где недавно были Юрик с Дёмкой, и тут все зашумели, заговорили, осматривая Рыжую Королеву. Папа обнял старика:

— Да ты знаешь, что ты сделал, дед! Чудо! И откуда ты взял её?

— А ей, почитай, полсотни лет, — рассказывал дед. — Давненько я её сюда привёз.

Все притихли, слушая дедов рассказ.

...Жили да были на Украине на Таврической земле три брата. Хозяйство у них было бедное, хлеба не хватало, и вот старший, Василий, только что вернувшийся с царской службы, решил искать свою счастливую долю где-нибудь в чужих краях. Женился он и сказал жене:

«Говорил мне один солдатик: есть такая земля — Алтай. Людей там мало, а пшеница родится богатая и травы по пояс».

Тронулись в путь налегке: два узелка да котомка за спиной, а в котомке с полведра кукурузных початков. Сколько ни допытывался Василий тогда у солдатика, так и не узнал, растёт ли она, тавричанка, в чужой далёкой земле. Но семян захватил на всякий случай.

Поселился Василий с женой в Кулундинской голлой степи. Домик построили такой, как на Украине, из глины и соломы, побелили его. А на огороде посеял Василий половину кукурузных семян, остальное бережно завернул в тряпицу и принёс домой.

Удивилась жена:

«Для чего бережёшь?»

«Земли здешней пока не знаю, — ответил Василий, — говорят, морозы тут лютуют, а вдруг вымерзнет эта, первая. Тогда что?»

Прав оказался: налетела чёрная буря, скрутила, сломала посевы. Выжило, вызрело на семена немного. Осенью отобрал Василий крупные зёрнышки:

буду, мол, каждый год самые надёжные высевать. Может, и получится когда-нибудь из тавричанки алтайка.

С каждым годом всё крепче становились стебли тавричанки-алтайки. И под суровым кулундинским небом вызревали кукурузные початки. По-прежнему, как на Украине, добавляла жена Василия кукурузную муку в оладьи. Шли годы, выросли и уехали в город дети, соседей поблизости не было, и слава об удивительной кукурузе, вызревающей на зерно, так и не разнеслась по степи...

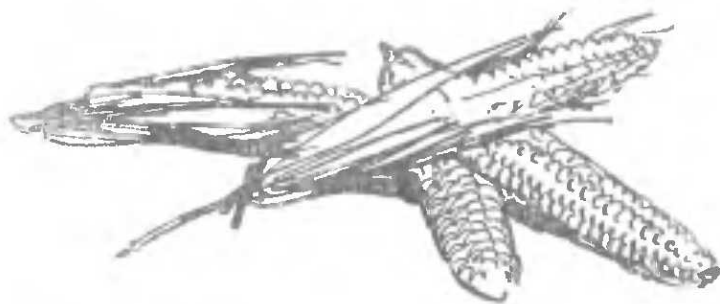
— Узнал я, что нынче ставят здесь совхоз, — рассказывал старик, — вот и собрался я к вам, товарищи дорогие, идти со своей Рыжей Королевой. — Он на минутку исчез в доме и появился с белым мешочком в руках. — Припас вам семена самые отборные.

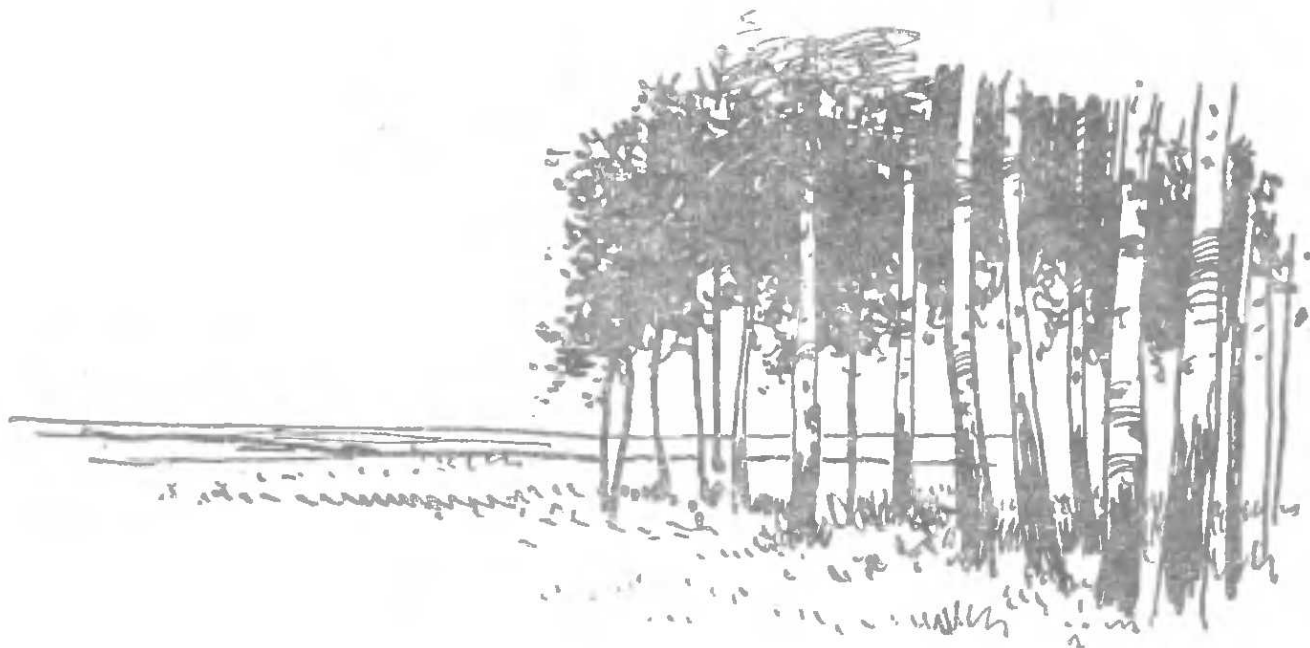
Юрин папа крепко сжал руку старика:

— Спасибо. А кукурузу мы вашим именем назовём.

Летом Юрик и Дёмка вместе с дедом пришли на поле. Кукуруза стояла перед ними ещё молодая, ярко-зелёная, но уже крепкая и сильная. И на углу этого поля красовался столбик, на котором Юрик сам прибил, по поручению отца, дощечку с чёрными буквами: «Кукуруза сорта Тараненко «Алтай».

Тараненко — это была фамилия волшебного деда, с которым случайно познакомились Юрик и Дёмка и узнали о Рыжей Королеве.

Песня

Папа писал Серёже в письме:

«Конечно, сынок, это не Украина. Кулундинские степи на нашем Алтае суровые, сожжённые солнцем. Но я приготовил тебе здесь удивительный сюрприз. Вот приедешь с мамой — увидишь».

Всю дорогу Серёжа спрашивал маму:

— Как ты думаешь, какой там может быть сюрприз?

Мама только пожимала плечами.

Папа встречал их на вокзале. Только вокзал был не похож на обыкновенные вокзалы. Поезд просто подошёл к широкой деревянной платформе, где стояла одна-единственная будочка. Пассажиры вышли и разбрелись кто куда. Вот тебе и вокзал!

Папа увидел разочарованное Серёжино лицо и рассмеялся:

— Это наш Кулундинский полустанок. Пройдёт несколько лет, и на нашей Кулунде будет вокзал, такой же большой, как в Киеве.

Серёжа заметил, что папа, который раньше всегда говорил «наша Украина», теперь и пишет и говорит «наш Алтай», «наша Кулунда».

Целую неделю прожил Серёжа в совхозе, а так и не увидел папиного сюрприза. Каждое утро, пока Серёжа ещё спал, папа садился в машину и мчался в степь. А возвращался он тогда, когда Серёжа уже спал. Ну что это, в самом деле — некогда ему даже поговорить с собственным сыном!

И вдруг в воскресенье утром папа склонился над Серёжиной постелью:

— А ну, вставай, соня! Я в твои годы с солнцем поднимался.

А какие особенные годы у Серёжи? Всего-навсего восемь лет.

Ну, конечно, папе не пришлось повторять дважды. Серёжа вскочил и закричал на весь дом:

— Мама, где мои сандалии? Мама, где моя рубашка?

— Всё раскидал, — сердилась мама. — Сколько я тебя учу аккуратно складывать одежду на стул у кровати! Вот не будет тебя папа ждать.

Но папа ждал, и Серёжа скоро собрался. Конечно, мама опять задержала: заставила выпить молока и съесть два куска хлеба с маслом. Правда, один кусок Серёжа успел незаметно опустить в карман, когда мамы не было в комнате.

И вот они с отцом уже сидят рядом в грохочущем «газике». Папа ведёт машину, а Серёжа жадно смотрит вокруг. Ох, какая она — Кулундинская степь! Широкая, длинная, всё тянется и тянется.

— Гляди, сынок, — закричал папа, — вот тебе и сюрприз!

Серёжа глянул вперёд и удивился: прямо в небо упирались макушки весёлых шелестящих берёз. Целая роща.

— Ты же говорил — голая степь! — закричал Серёжа, чтобы папа лучше слышал его.

— На Кулунде много таких ярких прохладных берёзовых перелесков, — сказал папа, когда они въехали прямо в рощу и остановили машину. — Их зовут здесь «колкí».

— Они молодые, эти деревья? — спрашивал Серёжа.

— Нет, наоборот, очень старые, — объяснял папа. — Слышишь, что шепчут эти белокожие деревца? Приложи ухо к стволу.

Серёжа прижался щекой к гладкой коре, закрыл глаза, и вдруг кто-то рядом зашептал:

— Мы много веков назад прилетели издалека в виде крохотных семян-самолётиков. Здесь в низинках пустили корни.

Серёжа открыл глаза и засмеялся: как интересно рассказывают берёзки. Он, конечно, понимал, что это папа говорит от имени деревьев, но, наверное, и они сами сказали бы точно так же, если б только умели говорить.

— А теперь, — вдруг серьёзно, почти строго, сказал папа, — прислушайся.

Вокруг звенели песни. Множество крылатых певцов жило в ветвях деревьев, и каждый по-своему разговаривал с деревцами, с травой и с лесными цветами. Разноголосые трели неслись со всех сторон.

— Певчие птички, — прошептал папа. — Вот какой сюрприз я тебе сделал: подарил целую рощу вместе с весёлыми пезцами.

Чудесный подарок сделал папа Серёже. И как только выдавалась свободная минутка, ехали они сюда, садились под берёзой на мягкую траву и слушали пение птиц. Потом Серёжа рвал для мамы букеты полевых цветов, украшал их папоротником.

Как-то в воскресный осенний день в колки поеха-

ли целых десять совхозных машин и остановились на опушке. Серёжа с удивлением заметил, что на их знакомом месте стоит уже много чужих машин.

— Каждый год после уборки люди приезжают в берёзовые рощи, чтобы праздновать день урожая, — объяснил папа Серёже. — Мы зовём этот день «праздником песни». И помогаем птицам петь. Вот и сегодня...

До вечера веселились целинники в роще: пели, танцевали. Всюду на траве были разостланы длинные скатерти, и на них лежало много всяких вкусных вещей: и бутерброды, и пирожки, и яблоки, и конфеты. Ещё засветло скатерти убрали, и ребята обошли те места, где земля заменила столы, подобрали все бумажки, подмели рощу. Бумажки, окурки, сухие веточки собрали в огромную кучу и подожгли. Как красиво сиял в ночи костёр! Все уселись вокруг него. И тогда директор папиного совхоза приподнялся и крикнул:

— А теперь, друзья, послушаем нашего гостя, который приехал к нам издалека — из самой Москвы.

Серёжа замер. Кто же это? Он хотел спросить у папы, но увидел, что у него тоже удивлённое лицо.

Перед костром появился человек с баяном. Кто-то поставил стул, и человек сел на него, озаряемый рыжими отблесками огня.

— У нас в гостях замечательный артист, лауреат Всесоюзного конкурса баянистов...

Зрители притихли. Деревья перестали шептаться, словно внимая чистым звукам удивительной музыки. Большой музыкант играл сейчас для целинников, играл так, что хотелось то плакать, то смеяться, вслушиваясь в необыкновенную мелодию. Уже было очень поздно, уже звёзды появились в небе, а он всё играл и играл...

Потом все сели в машины, и Серёжа увидел, как директор осторожно ведёт под руку музыканта. Тот шёл неуверенно, часто оступаясь.

Серёжа не успел ничего спросить. Папа сам сказал ему тихо, чтобы баянист не услышал:

— Он слепой, Серёжа. И вот ездит по целине, чтобы принести людям радость...

Помидор „Пионер“

Все молча глядели на агронома. Агроном был Вовкин брат — Сашуня. Так он подписывался в письмах, которые посылал на целину в совхоз из города, где он учился, так называли его Вовка, мама и папа.

И вот нынешней осенью приехал он уже в совхоз агрономом, и даже мама теперь называет его Александром. Один раз Вовка закричал было во весь голос: «Сашуня!» — когда брат подъезжал на велосипеде к дому, но получил за это такую взбучку, что теперь называет брата только Сашей.

Ребята-школьники, Вовкины друзья, первое время очень обижались на нового агронома: с пионерами не здороваются, не замечают их. Задавака какой! И вдруг сегодня поражённый Вовка обежал всех приятелей:

— Александр просил прийти к двенадцати часам на поле у Чёрной балки.

— Это какой Александр? — спрашивали некоторые недоуменно.

Тогда Вовка, оглянувшись, торопливо шептал:

— Какой-какой! Да Сашуня же, — и бежал дальше передавать удивительную новость.

И вот сейчас все сидели полукругом прямо на земле и глядели на бывшего Сашуню. А он стоял посредине этого живого мальчишеского круга и говорил каким-то новым, странным голосом, которого ещё не слышали ребята:

— Помощи от вас прошу. Природа, ребята, это такая штука, которую в одиночку не возьмёшь. А с вами мы горы своротим.

Ребята хмуро молчали. И чего это они ему вдруг понадобились? Целых два месяца не замечал никого, нос задирали, а теперь вон как — горы ему сверни.

Александр, словно догадываясь, какие мысли бродят в стриженных мальчишеских головах, вздохнул и неожиданно сказал совсем по-детски:

— Нужны нам овощи: и огурцы, и помидоры, и арбузы. Так нужны! А вот не растут они тут, в Кулунде.

Он присел на корточки. Ребята подвинулись к нему ближе, и тут-то начался тот душевный разговор.

который не получился почему-то в первые дни, когда Саша приехал.

— Понимаете, ребята, — говорил агроном, — пшеница у нас здесь, в Кулунде, отличная растёт. Земли замечательные. А овощи не родятся. Так и старожилы утверждают. Я уж тут у многих местных жителей побывал. И все в один голос: «Не родятся здесь помидоры, и не пробуй!» Хочу попробовать вместе с вами.

Теперь молчал агроном и говорили уже ребята.

— Попробуем! — важно кивнул Вовка.

— Поможем, — сказал солидный, немножко медлительный первый ученик Коля Кавун.

— Кружок сельскохозяйственный организуем, в него многие вступят, — предложил Вася Шабров, который уже был председателем и исторического школьного кружка, и группы фотолюбителей.

Сколько было работы! Да ещё какой интересной. Все три школьные бригады соревновались между собой. Первой бригадой руководил, конечно, Вовка. Да и как же могло быть иначе — ведь это его брат агроном, а не чей-нибудь. Бригадиром второй стал Кавун — фамилия у него больно подходящая. Да и папа у него полевой бригадир. А в третьей бригаде бригадиром стала Таня. Девочки очень обиделись, когда узнали, что агроном собирал в поле только мальчиков. Целой делегацией явились они на квартиру к агроному.

— А мы? Мы ещё больше, если хотите, можем сделать, чем мальчики!

Агроном долго извинялся и сказал, что будет очень рад, если девочки создадут третью бригаду.

Вся осень была занята полевыми работами. А потом пришла зима, и огромные тяжёлые сугробы прикрыли будущий огород и канавки, выкопанные руками ребят, и крохотные плотины, и крохотные мостики.

Как только растаял снег, все, конечно, сразу кину-

лись на свой участок. Удивительное дело: всё оказалось целым, неполоманным.

Агроном настойчиво спрашивал:

— Ну, а как наша рассада?

— Хорошо! — неслось со всех сторон.

Дело в том, что все ребята посеяли семена огородных культур у себя дома в специальных ящиках. Ведь оранжерей в совхозе не было. И теперь все только ждали тёплых дней, чтобы высадить растеньица сначала в парники под стекло, а потом на поле.

Всё получилось очень удачно: в школе как раз кончились занятия к тому дню, когда пора было засаживать огород. Растопырили под солнцем свои первые листочки огурцы, прижались к тоненьким палочкам-подпоркам помидоры, пустил стрелы лук.

Рабочие совхоза и местные жители приходили полюбоваться на удивительный огород. Вдоль овощных гряд бежали арыки, и добровольные мотористы, ученики старших классов, по очереди всё качали и качали воду: ведь овощам не страшно палящее солнце, если они вволю пьют. Плотины осматривали дежурные, на мостиках тоже стояли наблюдатели. И все вместе оберегали своё небольшое море, чтобы всё время была вода на огороде.

— Как у нас в Туркмении, — сказал дядя Зурен, отец Айвелюк и Заиры. — А мирабами, хозяевами воды, здесь, значит, бывают и мои дочки?

— Все по очереди управляют водой, — серьёзно ответил агроном, — все здесь мирабы.

И вот пришла осень. Уже не маленькие зелёные листочки поднимались с гряд. Стояли огромные, на 7—8 килограммов, кочаны капусты. Помидоров на кустах так много, что они ломают стебли. И всюду заботливые молодые руки поставили палочки, подвязали стебли мочалой.

Из соседней школы приехали члены биологическо-

го кружка. Учитель, который был с ними, высокий, сухощавый, в больших очках, произнёс целую речь:

— Ребята! Это та же самая Кулундинская степь, где, как утверждают старожилы, никогда не росли овощи. И вот мы с вами словно в оазисе. Так смелые люди победили степь.

А смелые люди — Вовка, Таня, Вася и другие ребята и девочки — стояли тут же и делали вид, что ничего особенного не случилось. Просто поработали они все вместе дружно, и вот...

Потом гости разбрелись по всему огороду. Они задавали много вопросов и интересовались всем.

— А кто здесь главный командир? — спросила одна девочка.

— Вот его брат, — независимо ответила Таня.

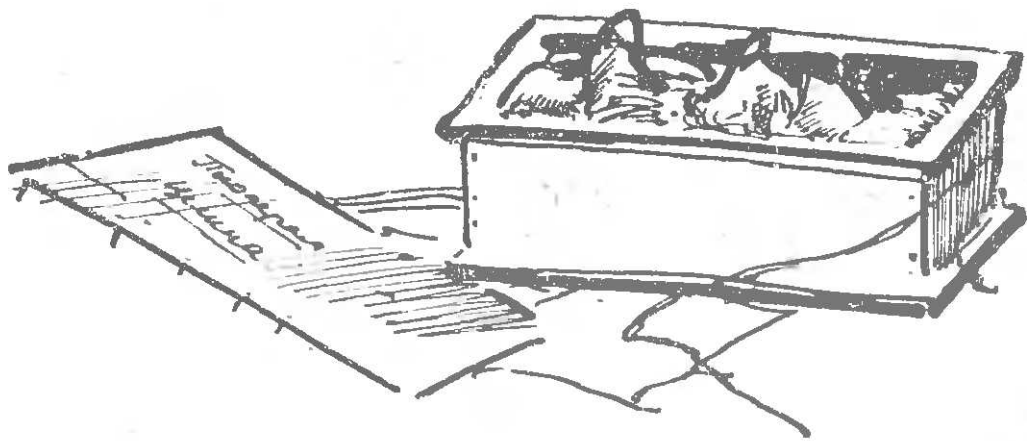
И Вовка небрежно кивнул головой: да, его брат. Ну что ж тут особенного?

Решили так: соберут хозяева урожай овощей, а потом вместе с агрономом приедут в соседнюю школу и помогут создать там такой же огород на пришкольном участке.

— У вас будут такие же арыки и такие же плотины, — великодушно пообещал Вовка.

— И мы тоже прибьём такую же дощечку, — задумчиво сказала черноволосая гостья, касаясь рукой таблички, на которой было выведено крупными буквами: «Помидор сорта Кулундинский пионер».

Удивительная посылка

Ребята загрустили. Они сидели на скамеечке, которую сами сколотили возле большой клумбы, и молчали. Всё было ясно: решили разбить три красивые клумбы — одну здесь, возле школы, другую возле конторы совхоза, а третью у клуба, который, правда, ещё только строится. Но пусть и строители поглядят на красивые цветы и порадуются. И вот сейчас всё провалилось. Цветочных семян хватило только на одну клумбу. Остальные семена пропали: везли их со станции в холод, где-то по дороге подмочили, они замёрзли и не взошли. Ящички, в которые посадили эти семена, так и остались пустыми.

Сима, которая не любила долго унывать, потрянула головой и предложила:

— Давайте пока выкопаем какие-нибудь цветы в степи и перенесём на наши клумбы.

Но никто не принял такого предложения: степь — она вон кругом. Иди и гуляй в ней. А ведь тут должны расти особенные цветы, только особенные!

— Вот что, — вдруг вскочил на ноги Федя, — я своим дружкам на Украину напишу. У нас такие цветы на школьном участке! — Он покрутил голо-

вой. — Они пришлют семена. И, может быть, даже к осени клумбы здесь в совхозе зацветут.

— А я к нам в Брянск напишу, — оживилась Симма. — На станцию юных натуралистов.

— А у нас в школе под Москвой такие яблоки, — задумчиво протянула Лена, — разные сорта. Мичуринские! Черенки тоже можно послать.

Решили тут же сразу написать письма старым друзьям, в свои школы, из которых уехали на целину, и попросить их прислать самых разных семян и черенков.

— А где писать будем? — деловито спросил Митя. — В школе ремонт.

— Здесь стол сколотим, — оживился Виталий, первый школьный столяр. — Мы сейчас с Витей доски принесём.

Закипела работа. Ребята сбегали в плотничью мастерскую, выпросили там круглый ровный столб для ножки будущего стола, потихоньку от завхоза выбрали доски, которые лежали у стены школы. Только хотели эти доски утащить, а завхоз тут как тут.

— Это что такое? Куда?

Сначала дядя Вася отобрал доски и долго отчитывал ребят за самовольство. Но потом, заметив, как погрустнели все, как вытянулись у них лица, добродушно поинтересовался:

— Или уж очень нужны?

— Стол хотим делать, дядя Вася, — хором объясняли ребята. — Там, возле клумбы. И вам можно будет в шахматы поиграть вечером.

Эта фраза была сказана не зря: дядя Вася был страстным шахматистом и всех обыгрывал.

— Ох и подхалимы! — засмеялся дядя Вася. — Значит, для шахматистов стол? Тогда придётся досок дать. Только эти не трогайте.

Он открыл склад, выбрал несколько досок и отдал ребятам:

— Идите в мастерскую, там вам их построгают. И краску попросите, какую-нибудь повеселее: зелёную или голубую.

— Мы и сами построгаем, дядя Вася, — с достоинством ответил Митя. — У нас пятёрки по столярному делу.

— Ну, раз пятёрки, тогда извините, — сказал дядя Вася. — Тогда сами идите строгайте. Только глядите руки себе не поуродуйте.

Конечно, в один день стол соорудить не смогли. Пока его строгали, пока копали ямку для ножки, пока сколачивали гвоздями — уже стемнело. А ведь надо ещё красить. И потом теперь одной скамейки не хватает, надо ещё две, чтобы можно было усесться вокруг стола. Словом, ребята только на третий день торжественно привели дядю Васю и показали ему ярко-зелёный блестящий стол. Вокруг стояли такие же ярко-зелёные скамейки. Но, когда дядя Вася хотел присесть, все испуганно закричали:

— Не садитесь! Зелёный будете! Вот у нас Сима уже села!

Сима стояла сконфуженная и не поворачивалась ни к кому спиной: на голубом платье отпечаталось яркое зелёное пятно.

Дядя Вася похвалил стол и скамейки, но велел тут же повесить бумажки с надписью: «Внимание! Только что окрашено».

— А то все тут костюмы перепортят, — сказал он и вдруг, уже уходя, вспомнил что-то и крикнул: — Там какая-то посылка пришла. Адрес на ней такой: «Алтай, в новый совхоз. Пионерам».

— Это кому же? — удивилась Лена, когда необыкновенную посылку мальчики принесли и положили на аккуратно расстеленную на земле газету.

— Нам, — невозмутимо ответил Витя.

— Почему же непременно нам? — как всегда, заспорил Федя. — А может, и не нам вовсе?

— А ты читай адрес, — говорил Витя. — Алтай. И у нас Алтай. Новый совхоз. И у нас новый совхоз. Пионерам. А мы кто? Значит, нам.

— А что там может быть? — Любопытная Сима потрогала пальцем края ящика, обитого жестью.

— Может быть, что-нибудь вкусное? — облизнулся лакомка Федя.

— Чего тут долго думать! — вдруг решил Витя. — Наша посылка? Наша! Вот мы сейчас её и вскроем.

Как раз рядом лежал топор — его ещё не успели отдать в мастерскую. Ребята осторожно поддели краешек железки, вытащили один гвоздик, второй. Вот уже посылка открыта. Ещё не видно, что в ней, потому что сверху толстая клеёнка, а на клеёнке конверт. Письмо.

— Давайте я прочту вслух, — схватил было письмо Федя.

Но у него тут же отняли конверт:

— Ты хуже всех читаешь и окончания слов проглатываешь. Пусть Лена.

Лена взяла письмо и удивительно медленно, как показалось ребятам, начала вскрывать конверт. И вот уже она читает вслух, и ребята затихают:

— «Дорогие пионеры целинного края! Мы, пионеры Горного Алтая, посылаем вам наш маленький подарок. Это семена цветов, которые растут в нашем городе Горно-Алтайске. Раньше это была просто глухая деревня Ула-ла, где все были безграмотные.

Мы учимся в городском интернате, а летом все уезжаем домой и помогаем пасти колхозных овец высоко в горах на альпийских лугах. У нас тоже много целинных земель, как и у вас.

У нас очень любят цветы. И в самом центре города Горно-Алтайска разбит сад. Пионеры ухаживают за цветами, оберегают клумбы. Мы думаем, что в молодых совхозах ещё мало цветов, и решили послать вам разные семена. Нам интересно знать, куда попали наши семена, где их посадят и понравятся ли целинникам наши горно-алтайские цветы. Мы ещё хотим сказать: у нас есть своя «королева цветов». Только это не какая-нибудь роза или лилия, а живая девочка, шестиклассница Лена Иванова. А зовут её «королевой» потому, что у нас каждый год проводится праздник цветов и ребята приносят на выставку выращенные цветы. Вот уже второй год цветы Лены — самые лучшие. Поэтому она — «королева цветов». Желаем вам тоже проводить такие интересные праздники. Ждём ответа. Пионеры Горно-Алтайского интерната».

— Ух ты! — только и смогла выговорить Сима. — Семена!

Все кинулись к ящику, развернули клеёнку и принялись вытаскивать маленькие мешочки. На каждом из них химическим карандашом было написано: «Астры — махровые, розовые», «Георгины Королева Алтая (красные)», «Львиный зев», «Мальвы»...

Чего-чего только тут не было! И, что самое главное, горно-алтайские пионеры так здорово придумали: указать на каждой мешочке окраску цветка. Значит, клумбы можно сделать очень нарядными.

Ребята сбегали за учительницей биологии Еленой Ивановной. Она сразу пришла и тоже очень радовалась посылке.

— Вот завтра и начнём сажать цветы, — сказала она. — А сейчас отберём семена, которые нужно предварительно замочить.

Через два дня клумбы были засажены, и ребята уселись отдохнуть на скамейках, которые уже высохли и были такими удобными, с широкими спинками.

— Вырастут цветы, и мы устроим выставку и выберем королеву, — сказала Сима.

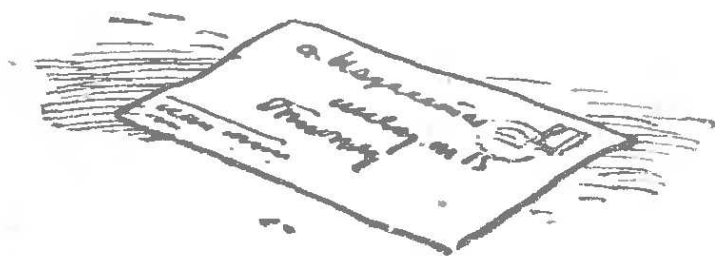
— А короля можно выбрать? — ревниво спросил Федя.

Елена Ивановна засмеялась:

— Будут у нас и цветочные короли и цветочные королевы. — И вдруг она спросила: — А письмо в Горный Алтай вы уже послали?

Ребята показали учительнице письмо. В середине был нарисован зелёный стол, зелёные скамейки и клумба. Заканчивалось письмо так:

...«Так что вы не беспокойтесь. Адрес на конверте оказался правильным. Мы вырастим разные цветы и семена пошлём вам. А может быть, и в гости друг к другу съездим. Ваши друзья — пионеры из нового совхоза».

Хлеб

Никогда не видел Гена такого лица у папы. Стоял он мрачный, расстроенный, подпирая широким плечом дверь красного уголка. В руке отец держал знамя. Красное знамя с золотыми кистями. Оно с прошлой осени стояло в углу, заботливо обёрнутое в прозрачную блестящую бумагу, которая носит такое загадочное имя — «целлофан».

Гене очень нравилось, когда знамя вынимали из целлофана, выносили на улицу и ветер сразу подхватывал полотнище, надувал его словно парус, шевелил кистями. Ни в одной совхозной бригаде не было такого знамени. Папа объяснил:

«Переходящее знамя! Понимаешь, сынок, его присуждают только тем, кто лучше всех растит хлеб».

Гена очень гордился тем, что это красное знамя стоит у них в красном уголке и никуда не переходит.

Как-то раз, выходя из школы, Гена даже похвастался, размахивая портфелем:

«Мой папа лучше всех растит хлеб!»

«А мой тоже», — быстро возразил Миша, сын бригадира четвёртой бригады.

Он приезжал сюда в школу вместе с остальными девочками и мальчиками участка Заовражный потому, что у них ещё там не успели достроить школу. В душе Гена очень завидовал тому, что Миша каждый день катается на автомобиле. Однажды он даже сбогнал Гену, когда тот шёл по знакомой короткой дорожке к школе.

Вот теперь он, наконец, отомстит ему. Гена ухмыльнулся:

— А знамя-то ещё той осенью к нам увезли, потому что у нас хлеба была целая гора!

— И у нас гора, — отчаянно защищался Миша. — Просто у вас вот насколечко больше. — И он показал пальцами насколько. — Ну на самую тютельку!

— А знамя-то у нас! — почти кричал Гена. — Значит, мой папа лучше всех!

В эту минуту тяжёлая рука легла на Генкино плечо, и сердитый знакомый голос произнёс:

— Чем хвастаешься? Папой хвастаешься? А сам тройку из школы принёс?

Генка молчал, опустив голову. И откуда только взялся отец? Как нехорошо получилось, что он услышал Генины слова.

Целых два дня отец не разговаривал с Генкой, словно не замечал мальчугана. И только на третье утро, встретив умоляющий взгляд Гены, сказал коротко:

— Если я ещё раз услышу...

— Никогда больше не услышишь, честное пионерское! — торопливо заговорил Гена. — Никогда больше!

...Сейчас отец стоял сам не свой, с потемневшим лицом, а вокруг толпились мрачные, расстроенные парни, молча глядя на знамя и на своего загрустившего бригадира. Вдруг он шагнул вперёд и произнёс нараспев:

— Как же это, дорогие друзья, получается? Сев перевыполнили, досрочно закончили. Вся пшеничка в земле. А вот, пожалуйста, знамя у нас Иван отбирает!

У Генки перехватило дыхание. Иван! Дядя Иван! Да это же Мишкин отец.

— Так у Ивана бригада на несколько часов тебя, Алексей, опередила, — весело отозвался директор. — Значит, он — победитель.

Генкин отец неожиданно сморщился и потряс в воздухе крепким кулаком.

— Уж этот Иван — всё он поперёк стоит. И в старом совхозе, что мы с ним два года назад строили, друг другу то и дело хвосты показывали. И сейчас опять. — Одним рывком он протянул знамя вперёд. — Ну что ж, коли так — везите! Только ненадолго! Скоро обратно доставите. Верно, хлопцы?

И сердитые хлопцы ответили нестройно:

— Ну да!

— А то как же!

Когда директор, бережно укутав знамя, двинулся к своей машине, Генка неожиданно, жалобно сморщив нос, попросил:

— Возьмите меня с собой, Иван Иванович.

— А что ты там будешь делать? — удивился директор.

Краснея от стыда, Гена неожиданно соврал:

— У меня там друг, Миша. В школе сейчас каникулы. Вот мы и не виделись давно.

— Ну поехали, коли так, — согласился директор.

Когда машина остановилась у красного уголка четвёртой бригады, Гена тихонько вылез, обежал вокруг и залез обратно в кабину. Он вовсе не хотел видеть Мишу и торжество в его глазах. Он просто хотел убедиться, что драгоценное красное знамя будут передавать дяде Ивану.

— Видали, — спросил дядя Иван, ставя полотнище поперёк ветра так, чтобы шевелились буквы «Переходящее красное знамя», — значит, взяли у Алексея! Но не радуйтесь, — вдруг резко отчеканил он. — Алексей — он такой: ещё отнимет! Чуть рот разинете — и поминай как звали! А ну, быстро по коням!

Трактористы и прицепщики зашумели, захохотали и все кинулись к своим тракторам. А дядя Иван, так же как Генкин отец, аккуратно свернул знамя и унёс в красный уголок.

— Ну, повидался со своим дружкой? — спросил директор, усаживаясь в кабину.

Генка торопливо кивнул головой.

— Где ж ты был? Я тебя что-то не видал, — продолжал директор.

— А я там, в углу, сидел, — снова, второй раз в этот день, соврал Гена.

Но директор ничего не заметил и начал о чём-то горячо спорить с главным агрономом, который на ходу вскочил на подножку машины и ехал так, закрываясь рукавом от свирепого ветра.

Дома Генку ждали ужинать. Мама сказала:

— Куда исчез? Вечно тебя недокричишься!

Гена взглянул на мать с укором: «Сегодня, в такой день, и упрекает. Вот не буду есть. И всё. Тогда сразу заволнуется».

Но на столе так вкусно пахла поджаренная с салом картошка, надулся пухлый пирог с грибами, и Гена начал уписывать всё за обе щеки. Бедный папа! Он-то уж, наверное, сегодня не станет ужинать!

Но папа появился оживлённый, как ни в чём не бывало уселся к столу, попросил картошку прямо со сковороды, горяченькую, съел три куса пирога и запил всё это большой кружкой молока.

После ужина, как всегда, Гена с отцом отправились погулять. И вот тут-то Гена и сказал срывающимся голосом, схватив отца за руку:

— Знамя увезли! Как же теперь?

Папа тряхнул головой и, не отнимая руки, протянул:

— Знамя — это, конечно, брат, того... Плохо! Но ничего, отберём.

— Значит, ты теперь уже не самый лучший бригадир? — допытывался Гена. — Теперь Мишкин папа лучший?

Отец засмеялся и, шутя, стукнул Генку по затылку:

— Опять ты за своё: лучше, хуже! Все мы тут не лодыри!

Всё-таки Генка не мог успокоиться: кто же лучше? Ведь знамя-то уехало в чужую бригаду. Мишкин верх!

Никогда прежде, когда жили в большом, шумном городе, не знал Гена, как растёт хлеб. Всё было так просто: бегал по утрам в булочную, говорил скороговоркой: «Половинку чёрного и четыре булочки», выбирал плюшки для себя и для сестрёнки. И никогда не думал, что надо так много трудиться, чтобы вырастить эту половинку чёрного, и четыре булочки, и плюшки.

Здесь, на целине, Гена увидел, как трудно даётся людям урожай. По весне поднимают трактора тяжёлые, жирные пласты земли, бороны мелко дробят крупные комья, и поле становится лёгким, словно не тяжёлая земля его покрывает, а чёрный пух. Потом снова с гулом идут трактора, таща за собой сеялки,

и толстое зерно падает в землю. Когда появятся зелёные всходы, тогда и отец, и другие трактористы, и комбайнеры разглядывают их, словно не верят своим глазам, что взошёл хлеб.

Всяческие беды подстерегают слабые молодые ростки: то сорная трава начинает их глушить, то нападают разные вредные букашки, и отец ждёт не дождётся, чтобы над полем появились надёжные помощники — самолёты. С гудением пролетают они очень низко, и из-под широких крыльев льётся на посевы дождь. Дождь это не простой, он губит на корню сорняки и не вредит пшенице. Она делается только крепче и гуще.

Каждый день, каждый час, каждую минуту надо думать о хлебе, надо помогать ему расти, иначе не появятся в магазине булочки, и плюшки, и чёрные ржаные аппетитные ковриги.

Не спят люди в короткие дни жатвы. Однажды Генка увязался с отцом ночью в поле и глазам своим не поверил: светло как днём. Бегут комбайны, освещают пшеницу зоркими прожекторами. Подбегают машины к комбайнам, не видимое в темноте зерно, шелестя, ссыпается в кузова, и автомобили мчатся к огромному зданию элеватора, который почти упирается в небо своей квадратной головой.

Бродил, бродил Генка по полю, а потом присел на охапку соломы и не заметил, как уснул. Даже не почувствовал, как подняли его сильные отцовские руки, осторожно уложили в кабину шофёра дяди Сени. Проснулся он уже около дома, когда мама осторожно будила его:

— Говорила, сынок, — дома сиди. Вот и сморился.

Как-то папа наткнулся на Гену во время его ночной прогулки и рассердился:

— Ты чего это здесь? Почему не спишь?

— Так мамы же нет! Она ужин комбайнерам в степи варит, — пытался объяснить Гена, — и тебя тоже нет. Я один. Как брошенный. А тут интересно. — И вдруг попросил жалобно: — Папа, возьми меня на элеватор. Я хочу посмотреть, как там зерно принимают.

— Ах ты, брошенный, — засмеялся папа и, торопливо оглянувшись, нет ли поблизости мамы, сказал заговорщическим шёпотом: — А ну, садись в машину, раз всё равно не спишь.

Он легко подбросил Гену в кузов, и мальчик оказался на брезенте, которым на всякий случай была прикрыта пшеница. Папа уселся рядом, и машина помчалась по дороге, освещаемой прожекторами комбайнов, которые ползли по полям, как огромные светляки.

Потом они подъехали к элеватору, и вдруг Геннадий увидел что-то большое, неподвижное. Во дворе элеватора высилась целая гора.

— Что это, папа? — закричал Гена.

— Хлеб, сынок, — как-то особенно торжественно отозвался отец. — Видишь, сколько его! Со всех концов везут и везут так много, что не успевают прямо в элеватор ссыпать, и, чтобы машины не держать, пока сваливают в кучу... Ночи тёплые, дождя не предсказывают.

Отец помог Гене спрыгнуть на землю, и они вдвоём подошли к горе хлеба, которая сияла при свете фонарей. Отец взял в руки пригоршню пшеницы.

— Тяжёлое. Словно золото, — шепнул он. — Вот она, целинная наша земля. Какое богатство родине даёт! А ведь ещё совсем недавно тут вокруг один ковыль рос.

— Привет, Алексей! — сказал кто-то рядом звучно и весело. Отец и сын обернулись.

— Здравствуй, Иван, — отозвался отец, крепко

Во дворе элеватора высилась целая гора зерна.

К стр. 77.

пожимая руку бригадиру четвёртой бригады. — Любуешься?

— Полюбоваться не грех, — протянул Иван. — Каков наш хлебушек! Видишь — уже и элеватор не поспевает за нами.

Потом, меняя тон, он внезапно добавил полушутливо-полусерьёзно:

— Уже всем известно: обскакал ты меня на уборке. Как за знаменем — сам приедешь?

— Да нет! Думаю, мне с почётом привезут, как тебе весной, — засмеялся отец. — Вот так и будем мы его друг у друга отнимать.

Генка стоял рядом притихший, удивлённый. Значит, опять зная вернётся в красный уголок и на праздник пойдёт впереди бригады, приветливо шелестя. Почему же папа и дядя Иван не сердятся друг на друга? Вот стоят рядом, обнявшись, и всё перебра-сывают зерно с ладони на ладонь.

С а д

Мама ни за что не хотела уезжать из совхоза. Саша услышал нечаянно, как она рано утром говорила папе:

— Ну что это, в самом деле? Приехали на пустое место, сколько мучились, пока совхоз построили. А сейчас квартиру получили, работа у тебя интересная. И вот пожалуйста — опять всё бросай. Нет, я не поеду.

И вдруг папа ответил резко и сердито:

— Перестань только о себе думать! Там совхоз отстаёт. Люди нужны опытные. И раз мы, пятеро комбайнеров, решили...

Конечно, мама уступила. Как-то рано утром погрузил папа все вещи на большую машину, в кабину села мама и взяла на колени Сашу. Саша нахмурился: он так надеялся, что побудет с папой вдвоём, ведь мама ещё дома говорила: «Обязательно сяду в кузов и буду держать фикус, чтобы не поломался». Вместо этого она и фикус поставила папе в кабину и сама села. Значит, будет всю дорогу говорить:

«Саша, не высовывайся в окно. Саша, задвинь стекло — дует, насморк получишь, кто за тобой ухаживать будет? Саша, не вертись».

Папа был весёлый, всё время шутил, и машина шла у него ровно-ровно, как будто бы на дороге не было ни ухабов, ни ям. Но всё-таки под конец мама стала хвататься за голову и вздыхать:

— Скорей бы приехали. Перед глазами всё прыгает. И голова как будто не своя.

Саша смотрел на маму с сожалением: какие женщины слабые. Так замечательно ехать в машине, а у них вдруг начинает голова кружиться.

Новый совхоз Саше сразу не понравился. Улицы какие-то кривые, загибаются под гору. И дома меньше, чем в старом совхозе. И деревьев почти нет — так кое-где попадётся деревце или кустик. Мама сразу же начала чистить и убирать новый дом, а Саша принялся бродить по совхозу. На площади ребята играли в лапту. Саша постоял, посмотрел. Но на него никто не обратил внимания, и он очень обиделся. Там, у себя, он был главным заводилой, а тут, оказывается, никому не нужен.

Саша повернулся и пошёл прочь от играющих. И вдруг услышал:

— Мальчик, куда же ты? Иди к нам, мальчик!

Саша, не оборачиваясь, покрутил стриженной головой. Обида не проходила. Позвали, когда уже ушёл! Ну и играйте сами!

Он шёл и правым ботинком отбрасывал камни. Чёрные ботинки стали совсем серыми: ведь вместе с камушками он пытался захватывать как можно больше пыли, чтобы она вихрилась за ним, как песчаный хвост за автомобилем.

Навстречу попалась какая-то старушка. Она остановилась, неодобрительно покачала головой и сказала:

— И ведь большой уже! Небось осенью в школу пойдёшь, а вести себя на улице не умеешь!

Саше стало стыдно потому, что он понимал: права старушка. Но он только ниже наклонил стриженую голову и, упрямо сжав губы, продолжал пылить.

Когда он вернулся домой, мама так и ахнула: белая рубашка стала серой, а ботинки обросли грязью.

Мама больно схватила Сашу за руку, окунула лицом в таз и принялась ожесточённо тереть уши, щёки, шею. Саша пытался вырваться. Он терпеть не мог, когда мама мыла его вот так: и обидно, и мамино кольцо царапает кожу. Ему хотелось зареветь, но он крепился: иначе насмешница мама расскажет вечером обо всём отцу, и тот будет громко хохотать.

— Теперь никуда не пойдёшь! — сердито сказала мама, когда Саша, умытый, в чистой рубашке, уселся хмурый-прехмурый за стол перед чашкой молока. — Не умеешь гулять — сиди дома.

Когда мама ушла в кухню, Саша плеснул на клеёнку немножко молока и начал устраивать на столе молочную реку. Берега были из белого хлеба, а чайная ложка изображала утёс. Он забавлялся так недолго: в дверь постучали, и Саша едва успел прикрыть блюдцем своё сооружение. Вошли ребята: трое мальчиков и две девочки. Одна девочка, высокая, чёрненькая, с большим бантом в косе, сказала Сашиной маме:

— Мы узнали, что вы приехали, и хотим познакомиться с мальчиком, который тут живёт. Меня зовут Таня, а это Муся, Коля, Степан и Ашот.

— Вот хорошо, что пришли к нам, ребятки! — ласково сказала мама. — Проходите, садитесь!

Пока все чинно усаживались на стульях, мама открыла буфет и вынула пряники, конфеты и яблоки.

«Всё для чужих, — вдруг подумал Саша, — а мне ничего не дала».

Он тоже потянулся к прянику и вдруг узнал гостей: да ведь это же они играли в лапту и не пригласили его. Что им тут надо? Чего они пришли?

— Саша, да что ты такой неприветливый? — вдруг заметила мама его настроение. — Поздоровайся с гостями, покажи им свои книжки.

Но Саша молча слез со стула и ушёл в кухню.

— Не обращайтесь внимания, — сказала мама сконфуженно. — Мы с ним тут немножко повздорили. У него это потом пройдёт.

Таня заговорила звонко-звонко:

— У нас завтра важная работа. Комсомольцы и пионеры решили посадить сад в нашем совхозе. Мы тоже решили им помочь.

— Мы обходим все дома и записываем, кто придёт, — добавил неожиданно тоненьким голоском Ашот.

— Как же вы записываете? — удивилась мама. — Вы же ещё не школьники.

— А я все буквы знаю, — гордо сказал Ашот. — Ставлю букву, а потом Танин брат перепишет. Здесь Саша живёт, вот я и ставлю «С».

И мама, заглянув через плечо Ашота, увидела большую круглую букву с хвостиком наверху.

— Хорошая «С», — согласилась мама.

— Вот, — сказала Таня, приподнимаясь, — пусть он и придёт завтра разбивать новый сад. Это за конюшней, туда, к реке.

— Обязательно придёт, — пообещала мама, — до свиданья, ребятки!

Она закрыла дверь за неожиданными гостями, вошла в кухню и увидела там Сашу: большим кухонным ножом он чертил узоры на выбеленной стене.

— Ну что это такое, в самом деле? — возмутилась мама, отнимая у него нож. — Как ты себя ведёшь?

— А я домой хочу, — вдруг сказал Саша. — Не хочу я тут. И ни в какой сад не пойду!

Вечером, когда Саша уже спал, мама тихо жаловалась отцу:

— Не узнаю мальчишку. Поговорил бы ты с ним построже. И с детьми здешними играть не хочет, и ничто его не интересует.

— Не привык ещё, — защищал папа сынишку. — По своим старым друзьям скучает. Обожди немножко. А на субботник он, конечно, пойдёт.

Но тут папа ошибся: Саша заупрямился и так и не пошёл работать вместе с ребятами. Правда, дома он не усидел: очень уж захотелось посмотреть, что там делается, у реки. Поэтому он тихонько пробрался к конюшне, влез на скамейку, которая стояла во дворе, и, вытянув шею, смотрел туда, где работали ребята. Он и не заметил, как во двор вошли Таня с Ашотом. В руках у них были носилки. Они нагребли на носилки большую кучу навоза и понесли. Не оглядываясь, Таня сказала Ашоту:

— Некоторые только смотрят. А в сад, наверное, первыми гулять побегут.

Саша понял, для кого сказала это Таня. Слез со скамейки и побежал домой.

Вечером Саша сказал папе:

— Пойдём погуляем, ты мне обещал.

Папа согласился, и как-то уж так получилось, что пришли они к реке, в сад. Саша с любопытством рассматривал всё вокруг. Какие деревья маленькие, и дорожки песком посыпаны, и даже скамеечки стоят.

Папа сел на скамейку, и Саша, вздохнув, примостился рядом. Он глядел на аккуратную дорожку и думал, что и сам мог бы проложить такую же дорожку. А посадить деревце — как это, наверное, интересно потом приходить и смотреть, растёт ли оно.

— Хороший сад, — сказал отец, искоса поглядывая на присмирившего сына, — жаль только, что не твой. Нам с тобой, брат, в него в открытую ходить неудобно. Только разве так потихоньку вечером, когда никто не видит.

Саша промолчал. Вот так и сидели они вдвоём на скамейке и глядели на деревца.

— Папа, — вдруг сказал Саша, — а тут ещё в саду работать будут?

— Конечно, будут, — ответил папа. — Я сегодня целую машину молодых яблонь привёз, их завтра вон там рассаживать будут.

— Можно, я посмотрю яблоньки? — вдруг попросил Саша.

Отец взглянул на него, улыбнулся:

— Ну что ж, пойдём в гараж. Я их там водой сбрызнул и рогожкой прикрыл.

В гараже Саша долго осматривал яблоньки. Они были такие маленькие, беззащитные: не посади их вовремя, они завянут и погибнут.

Утром Саша спросил маму:

— А ты знаешь, где эта девочка живёт?

— Знаю. Через три дома от нас, — сказала мама. — А зачем она тебе понадобилась?

— Так просто, ни за чем, — уклончиво ответил Саша.

Он почти бежал к Таниному дому, торопился. А вдруг она уже ушла? Но когда он поравнялся с калиткой и в нерешительности замедлил шаги, калитка открылась, и из неё вышла Таня. На ней был голубой передник, а в руках она держала лопату.

— Здравствуй, Саша, — приветливо сказала Таня, и хотела уже пройти мимо. Она не поняла, что Саша пришёл к ней.

— Подожди, подожди! — закричал Саша. — Я... — Он растерялся и замолчал.

Таня смотрела на него с удивлением.

— Там, в гараже, — говорил Саша, — там яблоньки лежат. Ты знаешь, они засохнуть могут, если их вовремя не посадить. Давай соберём сейчас ребят побольше — и в гараж.

Таня смотрела на Сашу.

— А я думала, ты не такой, — вдруг сказала она, — я думала, тебе сад не нужен. Ты вчера...

— У меня вчера живот болел, — сразу выдумал Саша, — а сад мне очень понравился, — сознался он.

Таня сунула ему в руки лопату и открыла калитку:

— Держи, это тебе. А я сейчас себе вторую возьму. — Она захлопнула калитку, и, глядя в щели забора, Саша увидел, как она стремглав побежала по дорожке.

Он озабоченно начал разглядывать лопату. Попробовал воткнуть её в землю.

«Туповатая. Надо будет поточить немножко вечером», — подумал он.

И, когда вернулась запыхавшаяся Таня, он сказал ей сдержанно и веско:

— За лопатами я сам наблюдать буду. Мне вечером папа все лопаты наладит. А то такими землю и не поднимешь.

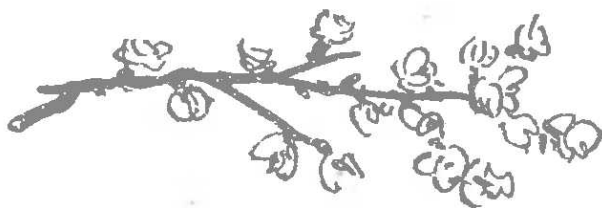
Он поставил лопату стоймя и ударил по ней ногой. Таня смотрела на него с уважением. Она ведь и не подумала, что лопату можно наточить.

Вдвоём они пришли к конюшне. И Саша очень удивился, что там собралось много ребят. Как же так? Ведь это он хотел их собрать, а они тут как тут. Ребята выносили деревца, шутили, смеялись. И никто не спросил Сашу, что он здесь делает и почему пришёл. Видимо, все считали, что так и должно быть. И от этого Саше стало очень легко и весело. Все вместе они пошли в сад. Так интересно было сажать яблоньки, что и про обед забыли. Но мама сама пришла в сад и принесла бутылку молока и вкусных пирожков с картошкой. Пришла и Танина мама, и другие, и все принесли своим ребятам что-нибудь вкусное.

Саша, оживлённый, покрасневшийся, пил молоко и объяснял маме:

— Ты знаешь, какой у нас будет сад! А в середине мы беседку построим, стол поставим, скамеечки: вот вы, все мамы, будете туда ходить вязать и шить.

Мама смотрела на Сашу и не узнавала его.

Новый дом

Мама говорила почти каждый день:

— Подожди, Вася, переедем в новый дом, отведу тебе уголок: будешь там свои машины мастерить, кубики раскладывать, а здесь пока, сынок, негде. Вас, ребятишек, трое. Если каждому уголок отвести, и ходить будет негде. Потерпи немножко. Смотри, как растёт наш степной городок! А помнишь, что здесь раньше было?

Вася кивал головой и говорил важно:

— Помню. Это когда папа дрофу на ужин убил.

— Правильно, — говорила мама.

Ей тоже навсегда запомнился первый вечер в степи, когда пришёл сюда тракторный поезд и привёз первых рабочих совхоза. Продукты только ещё разгружались на станции из вагонов. И тогда Васин отец взял охотничье ружьё и ушёл в степь.

— Куда он, мама? — добивался пятилетний Вася.

И мама весело ответила сынишке:

— А он за ужином пошёл.

— В столовую? — догадался Вася.

Ведь там, в городе, мама ходила в столовую, которая помещалась прямо в их доме, и приносила вкусные кисели и блинчики.

— В степную столовую, сынок, — засмеялась она.

И все кругом засмеялись.

Скоро внизу у реки раздались выстрелы. А потом знакомый папин голос закричал:

— Ау! Где вы там?

— Ау! Здесь! — ответила мама.

Она стояла у костра, который разожгли трактористы дядя Коля и дядя Митя, и рыжие огненные отблески играли на её лице. Папа появился у костра весёлый.

Он бросил что-то на землю у маминых ног и закричал:

— Принимайте ужин!

Вася так и замер, когда увидел ужин, который принёс папа. Это была огромная подстреленная птица, похожая на индюка, который гулял у бабушки во дворе на Украине, откуда приехал Вася.

— Это дрофа, сынок, — объяснил папа. — Степная птица. Много их здесь бродит. Вот и пришлось добыть одну на ужин.

Женщины общипали дрофу, и мама отдала Васе пёстрые пёрышки. Маленькая Ленка, дочка тёти Маши, конечно, сразу запищала: ей тоже захотелось этих красивых пёрышек. Васе сначала не хотелось делиться с ней: ведь это его папа убил дрофу. Но мама шепнула:

— Ты же старше, и ты мужчина. Ты должен уступить девочке.

И тогда он поделился с Леной, и она сразу утихла, приделывая к куклиной шляпе новое пёрышко.

Вот так и зажили в степи папа, мама, Вася и ещё много других семей. В землянке было тесно, особенно когда наступила зима и буря завывала с утра до вечера. Ребятишек почти не выпускали на улицу.

— Ещё заблудитесь в пурге! Носы поотморозите!

Вася так ждал, когда, наконец, построят новый дом. Наступили весенние дни, и он всё время проводил на строительной площадке и даже помогал рабочим: приносил им спички, подавал инструменты, а один раз попробовал даже замешивать глину.

Сразу строились два дома. Ведь людей было много и всем хотелось переехать в новые, светлые, удобные квартиры. И вот настал день, когда первый дом был готов. Он стоял такой большой, высокий, и строители разбивали вокруг него сад и красили яркой зелёной краской заборчик.

Через два дня жители первых целинных землянок должны были переехать в новый дом. Вася лёг спать с таким же чувством, как он ложился накануне новогодней ёлки или своего рождения: знал, что проснётся и вдруг произойдёт что-то очень-очень радостное необыкновенное.

Утром он открыл глаза чуть свет и вдруг услышал, что взрослые уже разговаривают между собой. Папа что-то рассказывал.

— Правильно! — сказал дядя Ваня. — Так и надо.

«Так и надо переезжать», — понял слова дяди Вани мальчик и закричал требовательно:

— Мам, а мам, переезжать будем?

Вдруг все замолчали. К Васе подошла мама и взяла его на руки, ещё сонного и тёплого. Она поцеловала его и сказала:

— А мы, сынок, никуда не поедem, пока не будет готов второй, а может, и третий дом.

Вася растерялся:

— Директор не пустил нас в новый дом?

Мама засмеялась:

— Пустил, пустил, сынок. Да мы сами отказались. Ты слышал, папа сейчас рассказывал, как он просил директора нас отсюда не переселять.

— Но почему же? — огорчённо спрашивал Вася. — Так и будет стоять пустой новый дом?

— Ну, что ты, сынок! — сказал отец. — Сегодня же его заселят.

Он взял Васю из маминых рук и посадил к себе на колени:

— Понимаешь, — начал он негромко, — мы ведь здесь давно с тобой живём, почти год. Прямо на траве поселились и первые дни дрофами питались. А сейчас у нас и столовая тут, и хлеб печём сами в пекарне, и магазин есть. Вот школу достраиваем. Этой осенью в неё ребята пойдут постарше тебя, а через год и ты. Мы ко всему тут привыкли и ничего не боимся — ни холода, ни тесноты. А теперь приехали сюда новые люди, прямо из города. Им здесь трудно в первое время. Вот мы, старые рабочие, и решили: пусть сначала новички дом займут, а мы подождём, мы старожилы...

Вася слез с отцовых колен задумчивый. Позавтракал и начал перетаскивать на улицу своих друзей: рыжего мишку с оторванным ухом, собаку Бишку, которая пищала, если надавить ей на живот, чёрного зайца Томку, маленьких лошадок и целую гору всяких железок, кубиков и книжек.

Он начертил на земле палочкой большой круг и разложил в нём игрушки, книжки, железки. Но их оказалось так много, что они не поместились в круг. Тогда Вася начертил большой прямоугольник. Впрочем, его нельзя было назвать прямоугольником, потому что углы у него были кривые — Вася не умел ещё рисовать ровных углов. Но зато в этом кривом прямоугольнике было просторно и каждой железке

нашлось своё место. Даже старый мячик, проткнутый спицей, удобно устроился посередине.

Вышла Ленка и жадно разглядывала издалека Васины сокровища.

Вася великодушно разрешил:

— Иди сюда, поиграем.

Лена торопливо ответила:

— Я сейчас.

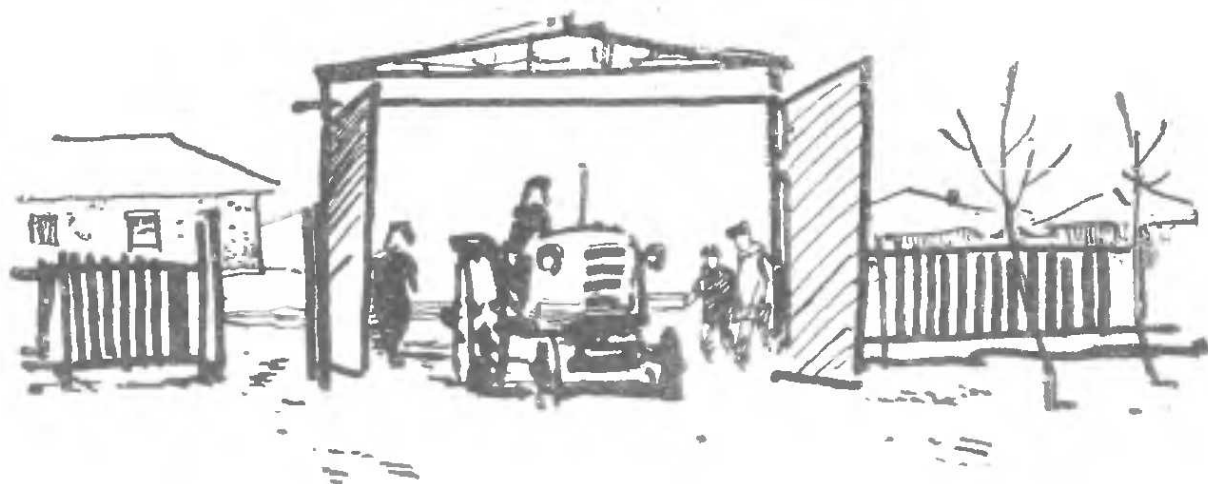
Она на минутку убежала в землянку и вернулась оттуда, волоча все свои пять кукол. Их тоже рассадил в прямоугольнике. И Вася сказал:

— Во втором новом доме у нас будут такие уголки, там будут жить куклы, мишки, зайки. А пока подождём!

И он повторил горделиво папины, не совсем понятные слова:

— Мы старожилы! А они ещё новички! — и махнул в сторону нового дома.

Маленькая повесть о большом классе

— Придёт, — сказал на прощание дядя Евстафий. Он вышел из класса, на пороге обернулся и подмигнул хитрым коричневым глазом. — Ждите...

Золотая Звёздочка на лацкане его пиджака сверкнула, словно маленькое солнце. Ребята как сидели за партами, так и застыли.

— Неужто придёт? Скоро придёт?

Его ждали долго и нетерпеливо. И когда, наконец, он появился на дороге, чуть покачиваясь на своих круглых ярко-красных лапах, и двинулся к школьным воротам, все просто не поверили, что сбывается затаённая мечта. Он шёл быстро, а впереди и сзади него летел во все стороны синеватый снег, который накануне покрыл сельскую улицу и побелил поля. Это случилось как раз на большой перемене. И те, кто играл во дворе, перебрасываясь первыми декабрьскими снежками, и те, кто находился в широком школьном коридоре, бросились к воротам и распахнули их.

— Входи, друг, входи!

Краснолапый трактор вёл отец Володи, совхозный механик Иван Брагин. Володя чуть не закричал:

«Ах, какой же ты, папка, ты же знал, что сегодня, что же ты не сказал?»

Но он, конечно, ничего не крикнул, а только глядел на отца, широко раскрыв большие чёрные глаза. Механик заметил этот взгляд, усмехнулся и сказал весело:

— Эй, трактористы, принимайте коня! Ладный конь. Мы его вам отремонтировали любо-дорого.

Трактор вошёл в ворота, стал под навесом, который ребята сколотили ещё много дней назад. Навес оказался таким большим, что под ним свободно уместился не только этот желанный гость, но рядом могли бы ещё свободно стать несколько таких же его краснолапых братьев.

Володин папа собирался сказать что-то, но в это время раздался неумолимый звонок: настойчивый, громкий, он звал в классы.

И тогда, перекрывая голос звонка, механик крикнул:

— После уроков шестиклассники собираются здесь, у трактора!

Ох, как долго тянулся сегодня последний урок! Даже всегда внимательная, спокойная Даша вертелась на парте, то и дело выглядывая в окно, откуда виден был кусочек навеса.

Учительница была вынуждена сделать ей замечание:

— Я сегодня не узнаю тебя, Пак. Что случилось?

Но потом она уловила взгляды ребят, обращавшиеся к окну, встала, сама посмотрела в окно и засмеялась.

— Понятно, понятно, — сказала учительница, — в школу пришёл трактор. Вот почему вы все волнуетесь, но... — голос её сделался строгим и сухим, —

будущие трактористы должны отлично знать и физику, а вы сегодня все отвечаете из рук вон плохо.

Всем стало стыдно, и каждый старался не глядеть в окошко. Ну что это, в самом деле, ведь не первоклассники! Шестой год учимся, пора и сознательными стать.

Снова зазвенел звонок. Удивительно, как менялся у него голос. К началу урока он звал требовательно, властно, а в конце дня звенел, журчал, разливался весёлой трелью. Это Володя уже давно подметил. И, когда он однажды поделился своими наблюдениями с отцом, тот сказал весело, поглаживая пышную Володину шевелюру:

«А ты знаешь, сынок, я тоже всегда замечал, что у школьного звонка два голоса».

Захлопали крышки парт, и ребята готовы были уже убежать во двор к навесу, но в это время дверь открылась, вошёл директор и с ним ещё трое: дядя Евстафий, тоже Герой Социалистического Труда, друг дяди Евстафия — комбайнер дядя Гриша, и седой ласковый дядя Вася — механик.

Последними вошли Володин отец вместе с председателем колхоза «Авангард».

В классе стало сразу очень тихо. Крышки парт опускались медленно, все стояли у своих мест и молча глядели на вошедших.

— Притихли? — по-домашнему спросил директор и засмеялся: — То-то же! Выросли. К вам с серьёзным делом люди пришли! Садитесь. Послушаем наших дорогих товарищей.

Первым заговорил дядя Евстафий — знаменитый комбайнер. Ребята читали даже в «Правде» о том, что комбайн дяди Евстафия каждый год больше всех убирает пшеницы.

— Ребята, — сказал дядя Евстафий, — сегодня у вас праздник. Сегодня мы, старая гвардия механизма-

торов, передаём вам свою машину. Все мы на этом тракторе работали: и я, и Василий, и Григорий. Но не думайте, что он старый, — мы ему новое сердце поставили и новое дыхание наладили. Он послужит вам. Кто хочет стать трактористом?

Все подняли руки, кроме Даши. Она стояла одна, крепко вцепившись маленькими пальцами в чёрную крышку парты. На лице её была написана такая решимость, так отчаянно сверкали глаза, что дядя Евстафий невольно промолвил:

— Значит все, кроме... — Он помедлил минутку. — Как зовут тебя, девочка?

— Дарья Пак, — ответила храбро маленькая кореянка.

Дядя Евстафий подошёл к парте и внимательно посмотрел на Дашу.

— Ты не хочешь изучать трактор? — спросил он негромко. — Почему?

— Я хочу работать на ферме, — заговорила Даша, ещё крепче впиваясь пальцами в край парты, — я люблю животных. Я дома помогаю маме доить корову. — Вдруг она добавила решительно: — Мы говорили с девочками: вот она, и она, и она, — Даша быстро указала пальцем вокруг, — тоже хотят работать на ферме, но они постеснялись сказать это сейчас прямо, потому что вы все пришли и им неудобно отставать от мальчиков. — Она замолчала, растерянно ожидая, что вот сейчас все засмеются и упрекнут её.

Но все молчали. И дядя Гриша сказал мягко:

— Так ведь ты же молодец, Даша, у тебя есть собственное мнение. А ну-ка, девочки, кто хочет работать на ферме?

И тогда сразу все девочки подняли руки.

Вот тут уже все засмеялись. Но это был совсем не обидный смех, а просто всё сразу встало на своё место, и все друг друга поняли.

Начался интересный разговор. Дядя Вася, дядя Гриша, дядя Евстафий, Володин отец, председатель колхоза уселись среди ребят прямо на партах и начали советоваться, с чего начать, чтобы побыстрее изучить машину. Решили с января проводить курсы трактористов.

— Будем заниматься четыре раза в неделю сразу же после уроков, — сказал директор, — придётся, конечно, нелегко. Двоек ни в школе, ни на курсах допустить нельзя.

Все мальчики закричали хором:

— Двоек не будет!

— Мы же понимаем!

— Мы же для себя!

А девочки молчали. Лица у них были растерянные. Как же так? Сами отказались от трактора —

значит, они теперь будут в стороне от всего того нового и интересного, что затевается в школе.

Директор сразу понял, о чем думают девочки, и сказал, обращаясь к председателю колхоза:

— Механизаторов мы уже послушали, а что скажете вы нам?

Председатель колхоза развёл руками и засмеялся:

— Так я же очень рад, — заявил он, — мне же доярки нужны, птичницы нужны, и за овцами кто-то должен ухаживать. Я было огорчился — все на трактор, а оказывается, тут и животноводов полно.

Девочки обрадовались, окружили председателя колхоза.

— И у нас будет кружок, — говорила потом Даша, — мы будем учиться вместе со взрослыми прямо в колхозе. Мальчикам будут читать лекции комбайнеры, трактористы, а нам — зоотехники, ветеринарный врач.

Люда глядела на свою подружку и знала, почему та особенно рада. Ведь Дашина мечта — стать доктором. Она вчера вечером, когда возвращались домой из школы, так и объяснила:

— Пока буду учиться, как лечить больных животных. Это ведь тоже практика, а потом поступлю в институт, окончу его и стану настоящим врачом.

Володя ждал отца у ворот. А тот стоял и о чём-то разговаривал с директором. Он хлопнул сына по плечу:

— Нашего полку прибыло? Ну, пошли ужинать, тракторист, мать небось заждалась.

Директор посмотрел им вслед. Даже со спины можно сказать, что это идут отец с сыном. Только Володя чуть поменьше, а так и волосы у них одинаково подстрижены, и походка совсем-совсем одинаковая.

Но что это? Они ведь, кажется, торопились ужи-

нать, и вдруг оба повернули обратно. Куда? Конечно, под навес. Там уже стояли дядя Вася, дядя Евстафий и дядя Гриша, окружённые толпой ребят, и что-то оживлённо рассказывали.

Директор засмеялся:

— Ох, не дождутся сегодня матери к ужину своих сыновей!

Всю зиму ребята изучали трактор. Тут уж не приходилось родителям напоминать, чтобы выучили урок. Каждую свободную минуту экзаменовали друг друга:

— А у гусеничных какой двигатель?

— А что такое подъёмное устройство?

— А какая марка самая мощная?

Быстрее всех изучили трактор Володя и его друг Витя. Их так и стали называть «тракторные инструкторы». Экзамены все сдали на «хорошо» и «отлично». И директор сказал:

— Придётся свезти вас в театр.

— А нас? — закричали девочки.

— И вас, — ответил директор. — Я каждый день спрашиваю, как вы там работаете, на колхозной ферме.

— Ну и как? — заинтересовались мальчики.

— Могу вам сообщить. — Директор говорил с гордостью: — девочки не подвели. — Хорошо работают на ферме. И телят и ягнят выпаивают, и коров чистят, и корма взвешивают. Доярки так про них и говорят — золотые наши помощницы.

Девочки стояли такие тихие, скромно опустив глаза. Но мальчики отлично понимали: теперь будут хвастаться тем, что директор про них сказал, так на каждом шагу и будут следить, как бы поддразнить нас. И, конечно, уследят, потому что, когда только учишься чему-нибудь, всегда на первых порах что-

нибудь не так получится. Вот и произошла маленькая история, которая в школьном дневнике называется:

Раз — и нет забора...

Первые практические занятия проводил Володин папа. Всем ребятам он объяснял всё очень терпеливо и шутил с ними, а вот как только Володя садился за штурвал, механик одёргивал Володю, прикрикивал на него, пока они находились вдвоём вдалеке от всех. Володя обиделся и сказал:

— Почему ты со мной хуже, чем с ребятами, разговариваешь?

Тогда папа как будто бы немножко смутился и ответил:

— Потому что ты мне сын, и я обязан с тебя больше спросить. Раз отец механик, сын должен всё хорошо понимать. Поэтому ты не обижайся и умеешь воспринимать критику.

Но Володя критику воспринимать не умел и обижался, хотя больше ничего не говорил отцу. И вот надо же было случиться, что они вдвоём с Витей, когда им разрешили самостоятельно повести трактор, не выезжая со школьного двора, налетели на забор. Кто тут был виноват — неясно. То ли Витя поторопился, то ли Володя, но факт остался фактом: забор лежал перед ними поверженный, разбитый. Спрыгнув с трактора, они стояли возле него красные, смущённые, а ребята оглушительно хохотали. Володя думал, что папа здорово рассердится, но этого не случилось. Он посадил на трактор Петю и увёз его на дорогу. Петю все звали в классе «Петя-музыкант», потому что он играет на всех инструментах и замечательно поёт. На прощание папа сказал:

— Чтобы через час забор стоял на месте.

И вот два друга превратились из трактористов в

плотников. Целых два часа собирали забор. А когда он был готов, сбегали в мастерскую и выпросили у школьного завхоза ярко-жёлтую краску. Они красили светлые планки, а ребята подходили поодиночке и просили, совсем как в книжке «Приключения Тома Сойера»: «...Дай мне только попробовать... ну хоть немножечко». И они милостиво передавали время от времени кому-нибудь кисть, начальственно покрикивая:

— Гляди, полоску пропустил. Ровнее! Ровнее!

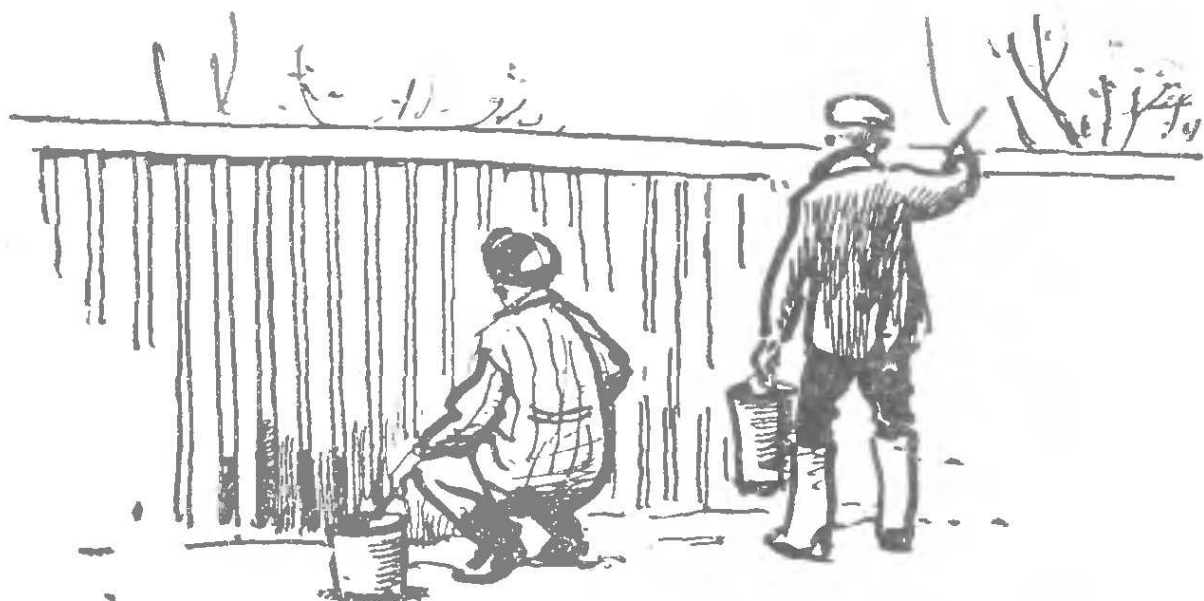
Когда Петя привёл трактор обратно, старший Брагин поразился:

— Гляди-ка, забор стал совсем новенький и жёлтый!

— Ну, что же тут особенного? — скромно ответил Володя, опустив глаза. — Чего же, ему некрашеным, стоять?

— Ух ты, — засмеялся отец и погрозил ему пальцем, — как это вы с Виктором устроили: раз — и нет забора?

Конечно, вся эта история произошла на глазах у девочек. Но им неудобно было смеяться. Ведь и на ферме случилось «ЧП», и носило оно тоже своё название:

Тигра показывает характер

Коров было четырнадцать. Девчонки сначала думали, что все коровы одинаковые: пережёвывают корм, глядят на всех добрыми, кроткими глазами, покорно отдают молоко, поднимают голову, если входят на ферму тётя Надя и тётя Дуся, которых они хорошо знают. А оказалось, что у каждой коровы свой характер, и ни одна ничуть не похожа на другую. Вот, например, Желтушка любит, чтобы корм был тёплый и чтобы сверху обязательно было насыпано немножко соли; тогда она жадно схватывает корм широким языком, загребает им как ложкой и просовывает всё это в пасть. Рыжка любит лизать кристаллическую соль. Она ни за что не будет есть, если сбоку её стойла не прикрепить похожий на лёд кусок соли. Рыжка ест не спеша, остановится, отстранит морду от кормушки, полижет соль, а потом опять за еду. Томка, та любит холодную воду и от тёплого корма отворачивает морду с белой нарядной звёздочкой на самой переносице.

Есть коровы, которых доить легко, а к некоторым ну просто не подступиться. Стоят беспокойно, фыркают, угрожающе наклоняют рога. Стыдно сознаться, что к таким и подойти-то страшно. А приходится. Вот, например, что устроила Тигра — такая у неё странная кличка. Её окрестили доярки ещё до того, как девочки пришли на ферму. Мила предложила дояркам:

— Назовём её Тигрица, ведь тигр — это самец, а Тигра — грамматически неправильно.

— Ну, что же — Тигрица так Тигрица, — махнула рукой тётя Надя.

На стойле коровы появилась дощечка с аккуратно выведенной надписью: «Тигрица». Но только это новое имя, хотя и было оно грамматически правильно,

не привилось. Корову по-прежнему звали Тигра. И самая старая доярка, бабушка Маша, уже ушедшая на пенсию и приходявшая на ферму только для того, чтобы присмотреть за порядком и приструнить новых доярок, сказала девочкам, лукаво прищуривая глаза:

— Тигра она, Тигра и есть. Сами увидите.

Ждать пришлось недолго. В один прекрасный день Тигра показала свой характер. Мила уселась на скамеечку и поставила подойник прямо на землю. Она знала, что доярки всегда ставят подойник между колен и крепко сжимают его. Но Мила маленькая, ноги у неё короткие, и поэтому она никак не может удержать подойник ногами. Она уже доила Мушку, и всё обошлось хорошо. Никак не могла она предположить, что Тигра устроит ей такую неприятность и над ней будут долго смеяться все в школе. Словом, Мила уселась и принялась за дойку. Тоненькие струйки молока весело забились о жестяные стенки подойника. Тут Тигра опустила голову, краем глаза увидела, где стоит у Милы подойник, и спокойно опустила в него толстую ногу с большим желтоватым копытом. Мила очень растерялась: что же делать? Нельзя же доить, когда Тигра так удобно устроилась. Мила попробовала поднять ногу Тигры и поставить её на землю, но не тут-то было! Тигра фыркнула и крепче упёрлась копытом в дно подойника. Девочки были далеко и не видели, какой номер выкинула Тигра. Целых полчаса билась Мила и готова была уже заплакать, не в силах справиться с упрямой коровой. Но тут подошла бабушка Маша. Хитрая Тигра сразу увидела её и испуганно качнула головой.

— Ах, негодница! — закричала бабушка.

Тигра быстро вытащила ногу из подойника и повернула морду к бабушке Маше. На этой морде словно было написано:

«Ну, что ты от меня хочешь? Ведь всё в порядке, это девчонка сама поставила мою ногу в подойник».

— Я говорила, что она Тигра, Тигра она и есть, — твердила бабушка Маша, отбирая у Милы подойник, — а ты не плачь, девочка, не беда. Молоко мы это телятам выпоим, а я тебе сейчас чистый подойник принесу.

Мила опять принялась доить, и Тигра, возле которой стояла бабушка Маша, была удивительно тиха и послушна. Она даже попробовала лизнуть руку бабушке Маше своим большим шершавым языком.

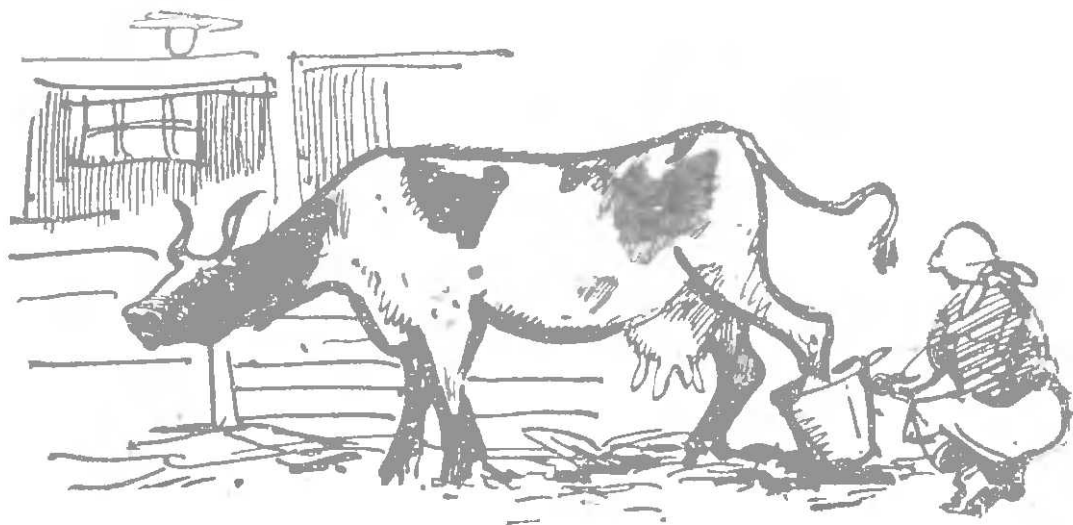
— Знаю я тебя, — говорила бабушка Маша, — я ведь тебя сама воспитывала, ты мне ещё и не такие штуки выкидывала!

Конечно, мальчики в тот же вечер узнали про Тигру. Милу они не дразнили — её всем было жаль. Но, когда девочки начинали разговор о том, что кто-то сломал забор, мальчики словно невзначай спрашивали:

— Интересно, а в каких случаях корова в молоке ноги моет?

Девочки торопливо замолкали, и тогда кто-нибудь из мальчиков обязательно добавлял:

— А есть такой метод вдвоём одну корову доить?

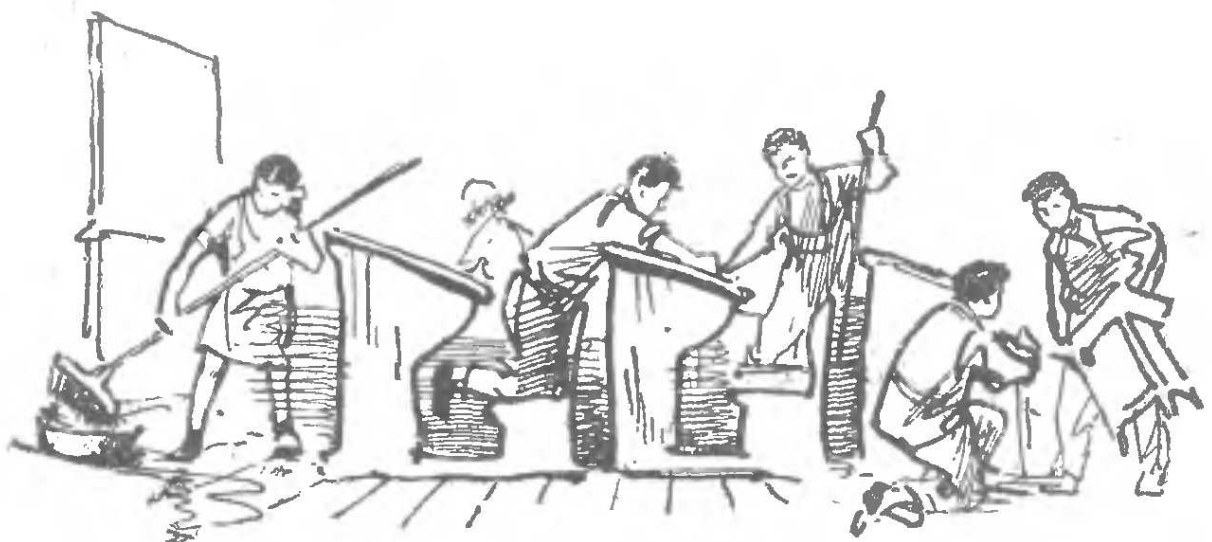
Девочки ничего не отвечали и уходили. Потому что мальчики как-то увидели, что две подружки, Катя и Галя, которых так и зовут «попугайчики-неразлучники», вместе доят двух закреплённых за ними коров.

А ведь девочки не хотели обсуждать с мальчиками свои дела. Хорошо, что они ещё не узнали о том, что Маня, когда первый раз доила корову, надоила себе полный рукав молока, а подойник остался совершенно сухим. Это осталось тайной девочек. Хватит того, что они узнали, как Тигра показала свой характер.

У каждого есть мечта

Как-то утром Володя шёл в школу и думал, как всё вокруг удивительно изменилось. Распахиваются целинные земли, и разный народ отовсюду едет. Тут и москвичи, и ленинградцы, и киевляне, и харьковчане.

Вот в первый класс пришло осенью столько малы-

шей, и все они дети приезжих. Приходят эти малыши в школу, а им старшие сразу говорят:

— Ты будешь помогать убирать и украшать школу.

— А я не умею, — сначала теряется первоклассник.

— А мы научим.

Володя усмехнулся, вспомнив вчерашнее происшествие в первом классе. Он зашёл туда после уроков. Ух, какая вокруг кутерьма: кто цветы поливает, кто подоконники вытирает. И, как учительницы, ходят девочки из старшего класса — Тамара, Галя, Маша. Поправляют малышей, если что не так, поют, шутят. Весело. И вдруг все увидели вытянутое лицо семилетнего Серёжи. Он немножко запоздал, зашёл в библиотеку. Вот ему и не хватило работы. Маша сказала:

— Ну, ничего, завтра будешь поливать цветы.

— А сегодня? — настаивал Серёжа.

— Сегодня их уже полили.

— А я ещё полью.

— Ещё нельзя, — терпеливо объясняет Маша, — вредно цветам, если воды чересчур много.

Серёжа посмотрел на неё, заревел и помчался домой. Там он, рыдая, рассказал сестрёнкам и отцу:

— А мне работы нет, а я так не могу!

На другой день и Серёже нашлась работа.

Володя, вспомнив это, думал: «Эх, Серёжа, Серёжка, всему ты научишься, как мы научились. И автомобиль будешь водить, и трактор, и кукурузу растить в человеческий рост».

— Дорогу! — крикнул кто-то весело.

Задумавшийся Володя едва успел отскочить. А то запачкали бы его ребята, которые тащили поспл-

ки с мелом. Сзади шли ещё двое с вёдрами в руках. Три девочки несли кисти.

Володя проводил глазами этот рабочий народ. Ребята из бригад маляров и штукатуров красят стены, окна. Вот уже четыре года, как сами ремонтируют школу. А столяры сделали много парт.

Когда Володя поступал в школу, ребята, не задумываясь, вырезали перочинными ножами на партах свои имена, фамилии, чернила по полу разливали. А сейчас этого нет и не может быть. Кто же решится испортить парту, которая сделана им самим. Бывает, конечно, что кто-нибудь неосторожно прольёт чернила. Никто ничего не скажет, но ребята поглядят неодобрительно. И виноватый смутится, будет потом долго скрести пол бритвой, подкрашивать его, чтобы ничего-ничего не было заметно.

Володя распахнул дверь в класс. Он думал, что первым пришёл. Оказывается, все уже тут и усаживаются на свои места. Володя оглядел лица товарищей. Шестнадцать человек, шестнадцать характеров. Он тихонько вздохнул: важный будет сейчас разговор.

Пришёл директор, учителя, механизаторы. Начал беседу Володя:

— Вот мы посоветовались и решили всем классом идти работать в

совхоз. Мальчики — механизаторами, девочки — животноводами. Об этом сейчас поговорим подробно.

— Здрóрово! — не сдержался директор совхоза. — Ох, как мне такие люди нужны! Ведь про вас по всему краю слава идёт.

Ребята сидели тихие, присмирившие. И снова, как тогда, четыре года назад, встала Даша Пак. Снова горели её чуть раскосые чёрные глаза и взволнованно звенел голос.

— Конечно, мы все полюбили землю, мы все хотим работать на селе, но только... — Она запнулась. — Ведь у каждого есть и своя мечта. Я, например, хочу быть доктором. Как же тогда с ней, с моей мечтой?

Тогда Володя Брагин приподнялся и спросил:

— Ребята, а у кого ещё есть мечта?

Встал Петя Чайка. Он слегка побледнел, как всегда, когда волнуется. Его чистый голос звучал сегодня глуховато:

— Я хочу петь. Я хочу стать артистом. Вы ведь сами настаивали, чтобы я учился пению. И вот сейчас я не знаю, как должен поступить.

Виктор сказал негромко, прямо с места:

— А я мечтаю быть инженером и строить гидростанции.

Какой же найти выход? Как же мечта?

И вдруг всё оказалось очень простым и ясным. Решили так: будут работать в совхозе и выполнять свою мечту.

— Я всё равно буду доктором, — сказала Даша, — а пока буду работать вместе с ветеринаром и научусь лечить животных. Это ведь тоже практика.

— А я буду учиться петь у актёров целиноградских театров, — застенчиво сказал Петя, — я уже спрашивал их об этом. А здесь, в совхозе, буду ставить самодеятельные концерты. Ведь и это практика для будущего артиста.

— Ну, а какой из меня будет инженер, если я не изучу назубок все машины? — сказал Витя. — Буду в мастерских совхозных работать. А там и в вуз.

Вот так вставал каждый и рассказывал друзьям, как он думает поступить, чтобы не нарушить слова, данного всему классу, и не предать свою мечту.

Володя и Виктор вместе возвращались домой. Впервые им не хотелось разговаривать. Очень уж много произошло за этот вечер. Надо всё обдумать, ещё раз пережить. На прощание, крепко сжимая Володину руку, Виктор сказал:

— А скоро Никита Сергеевич к нам приедет на целину. Вот ему бы рассказать о сегодняшнем собрании.

Володя выступает

Витя оказался пророком. Неожиданно в школу пришло удивительное сообщение: на первое сельскохозяйственное совещание Целиноградской области приедет Никита Сергеевич Хрущёв и приглашается один представитель из школы.

Кто же поедет на совещание, кто выступит от имени молодых целинников, кто расскажет о том, что даже самые маленькие ребята работают на земле и что сейчас десятый класс — это не только школьный коллектив, но и комплексная бригада совхоза.

Наконец решили: ехать должен Володя. Он отличник, секретарь комсомольской организации.

Как волновались дома. Мама не успевала повторять:

— Чистую рубашку кладу в чемоданчик, смотри не сомни её там. А то скажут, неряхи какие в Ново-Ишимской школе.

Володя написал длинный доклад. В нём было описано всё-всё с самого начала. Но, конечно, когда

он вышел на трибуну и увидел множество глаз, устремлённых на него, он растерялся и сказал совсем коротко:

— Мы, ученики десятого класса, решили все вместе остаться в совхозе...

Больше ему ничего не пришлось говорить, потому что его голос заглушили аплодисменты. Все встали и приветствовали его, десятиклассника. Никита Сергеевич поднялся со своего места и тоже хлопал ему. Володя так растерялся, что забыл сразу же положить на стол школьный альбом с рисунками и фотографиями, который школа приготовила в подарок Никите Сергеевичу. Уже потом, во время перерыва, он прошёл за кулисы и положил свой альбом.

Никита Сергеевич поблагодарил Володю и просил передать большой привет его товарищам.

Там, на совещании, Володя познакомился с Юлией Довженко, ученицей десятого класса Ново-Кубанской средней школы, Шортандинского района, которая тоже вместе со своими подругами решила работать в совхозе. Юля очень волновалась и говорила Володе звенящим шёпотом:

— Подумай, здесь столько знатных людей и мы с тобой! Я стараюсь всё-всё записывать, чтобы рассказать девочкам. А ты?

— И я, — ответил Володя.

Он приехал домой и долго рассказывал о совещании. Конечно, в один вечер он не смог всё рассказать. Ребята собирались много вечеров подряд — столько было разных вопросов!

Маяк на целине

Все знают, что такое маяк. Даёт он свет кораблям, чтобы не сбились они с пути, чтобы держали правильный курс. Это маяки на море. А теперь появи-

лись маяки и на суше. Маяками стали называть самые лучшие хозяйства — колхозы и совхозы. Лучше всех они работают, всегда задумывают что-то новое, интересное, стремятся вперёд, а за ними и другие идут.

Вот и стали называть Ново-Ишимскую школу, где учится Володя и его друзья, целинным маяком. Это потому, что ребята первыми на целине стали трактористами, комбайнерами, доярками, свинарками, птичниками и решили всем классом помочь родному совхозу. И одновременно не бросать учёбы, чтобы стать настоящими специалистами.

Как-то в шестом классе Ново-Ишимской школы шёл урок литературы. Обсуждалась такая тема: «Патриотизм в художественной литературе». Назывались многие произведения советских и зарубежных писателей. Молодая учительница спросила ребят:

— Ну, а в жизни что вы можете назвать патриотизмом?

Все хором закричали:

— Полёты в космос! Трудовые подвиги на заводах! И в поле!

— Правильно. Ну, а ещё? Здесь, у нас в крае?

Тогда встал один из учеников и сказал веско:

— Патриотизм — это то, что делает наш десятый класс.

Учительница увидела устремлённые на неё десятки глаз и ответила просто:

— Да, ты прав!

С о д е р ж а н и е

В КАЗАХСКИХ СТЕПЯХ

Кольшек у вербы	6
Наташа	10
Самолётные утята	17
Свирька	23
Бишка	29
Тюльпаны	35
Андрей Большой и Андрей Маленький	41

НА АЛТАЕ

«Кораблекрушение»	46
Рыжая Королева	49
Песня	55
Помидор «Пионер»	60
Удивительная посылка	65
Хлеб	71
Сад	79
Новый дом	87
Маленькая повесть о большом классе	92

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим направлять по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Волк Ирина Иосифовна
КОЛЫШЕК У ВЕРБЫ

Ответственный редактор
С. В. Орлеанская

Художественный редактор
Н. И. Комарова

Технический редактор
З. В. Тишина

Корректоры
В. К. Мирингоф и Н. А. Сафронова

Сдано в набор 26/III 1963 г. Подписано
к печати 16/VII 1963 г. Формат 60×84^{1/16}.
7,25 печ. л. 6,619 усл. печ. л.
(4,92+2 вкл.=5,04 уч.-изд. л.). Тираж
115 000 экз. ТП 1963 № 212. Цена 31 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 4592.

Цена 31 коп.